Фабрика здоровья

Алексей Константинович Смирнов

SHOUT
SHARE
IT

- Фабрика здоровья
  - Наследие розенкрейцеров
  - Добрые люди
  - О том, как одна голова не давала покоя ногам, и наоборот
  - Адамсы
  - Русский Покемон
  - Возвращение со звезд
  - Спасибо, спасибо
  - Теория Вирхова
  - Child Abuse
  - Вспомнить все
  - Лев и собачка
  - Дорожно-транспортное происшествие
  - Романенко
  - Расёмон
  - Месть и закон
  - Джимми Сваггерт
  - Торичеллиева пустота
  - Семантика
  - Шарлотта
  - Грезы и будни
  - Незримый бой
  - Щелкунчик
  - Честь имею
  - Кодекс здоровья
  - Суп
  - Социальное научение
  - Несуны
  - Братец таланта
  - Времена года
  - Активное выявление
  - Отдушина
  - Электрокаргеограмма
  - Fool-proof
  - Fool-proof-2
  - Жена декабриста
  - Хорошее
  - Буриме и клиническое мышление
  - Абсолютный кошмар
  - Кинофорум
  - Сектор "Приз"
  - Начало

- Производственная гимнастика
- Узловатая память
- Аппетит приходит во время еды
- Обогревательный контур
- Лепрозорий
- Противостояние
- Киса
- Таракан
- Ядро
- Качок
- Нос Страдамус
- Беседка с выездом для кибитки
- Женский батальон
- Су Джок
- Бассейн
- Гарный Воздух
- На всю оставшуюся жизнь
- Разоблачение магии
- Маленький Мук
- Стержень самосознания
- Инородное тело
- Форма одежды - нарядно-диагностическая
- Идентификация Борна
- Шаблон-Док
- Психометрия
- Михеев
- Театр и вешалка
- Ректорат
- Цветы на асфальте
- Головоломка
- Декламация вне зависимости
- Сделай сам
- Lupus vulgaris
- Глядя в телевизор
- Иллюзия неприкосновенности

Фабрика здоровья

Наследие розенкрейцеров

Сейчас я буду раскрывать один масонский секрет. Дело в том, что в невропатологи я отправился неспроста. Меня всегда соблазняло тайное знание, представленное в древних инкунабулах под видом символических рисунков. Я рассматривал примитивные изображения холмов, божественных ликов, неуместных и любопытных путников, которые доиграются. Застенчивых змей, приколоченных гвоздями к кресту. Младенчиков, которые безропотно и с некоторым даже удовольствием отправляются в какой-то котел. По непонятной причине строгие старческие физиономии. Двоеперстия. И тому подобное розенкрейцерство.

Я рассуждал: не может же оказаться, что все эти слабо художественные картины были созданы просто так. В них, конечно, прячется высшая мудрость Николы Фламеля и Джона Ди. И я обратился к другим книгам с картинками, где мудрость была не высшая, но тоже ничего.

По мощам и елей, как говаривал один патриарх. Дело кончилось тем, что в учебнике нервных болезней я нашел картинку, которая была ничем не хуже тех самых, средневековых. Не менее аллегорическая. А то и более. Многие, я думаю, видели эту картинку, но мало кто познал ее глубинный, второй смысл на практике. Рисунок изображает представительство разных органов в мозговой коре. Сколько мозга и за что отвечает. Известно ведь, что организм такая свинская штука, что ответственность в нем возможна только коллективная, а значит - ничья. А я в итоге, аккуратно по Герману, отвечаю за все. Вот тебе и дорогой мой человек. И в радужке представлены все органы, и в ухе, и в пятке, и в коре.

А если что-нибудь из этого отрезать, то ничего не случится, хотя, казалось бы, сразу конец, целое посольство вырезали. Не стало пятки со всеми ее парламентерами от желудка - и ладно. Откусили ухо с чрезвычайным и полномочным послом независимой гениталии - наплевать. Слышать не слышно, а гениталия процветает. И с корой то же самое бывает. Нет коры, отмерла или вовсе не существовала - полный порядок. Жизненно важные органы продолжают работать.

Но вернемся к мозговому представительству. Больше всего мозга идет на лицо, рот (якобы для речевой деятельности) и кисти рук. А остальному - по чуть-чуть. Поэтому на картинке изображен мозг, а на мозге разлегся кошмарный урод: в основном, огромная пасть и загребущие лапы. Вот какими мы

предстаем перед мозгом. И, может быть, даже перед высшими инстанциями, которые управляют мозгом из космоса. Вот так. А тайное розенкрейцерское знание заключается в следующем. Как лицо отражается в мозге, пастью своей звериной, так и мозг отражается на лице! Чтобы прийти к этому второму, сокровенному знанию, мало выучить учебник с картинкой. Надо заняться Умным Деланьем в окружающей среде. И я не раз видел: да, полная аналогия. Именно так все на лице и отражается. Весь мозг.

Добрые люди

Эскиз, набросок. Или черно-белая фотография.

На Заводе штурманских приборов стряслась беда. На его территории, в мрачных голливудских закоулках сформировалось ООО "Добрые Люди". И в этом ООО какой-то добрый человек захворал. Женщина там от чего-то помирает.

Скорая Помощь приехала на завод, притормозила возле охранника.

Тот, маша рукавицей, пустился объяснять. Все непонятно, странно.

Бригада въехала внутрь и долго петляла по заводским переулкам и тупикам.

Вот, видят: три мужичка курят.

- Где здесь добрые люди? - высунулся фельдшер. (Поможите пожалуста).

Мужички опасливо помолчали. Потом осторожно ответили:

- Да нет, у нас все хорошо.

И ушли.

Пусто, ни души. Бригада развеселилась. Гоняет себе по лабиринту, кружит. Из машины раздается настойчивый зов:

- Добрые Люди!... Добрые Люди!... Где вы?...

Тишина.

О том, как одна голова не давала покоя ногам, и наоборот

Если размечтаться, то хочется, чтобы Фабрики Здоровья было больше.

Пошла моя половина в парикмахерскую, привести в исполнение маникюр. А моя знакомая, узнав об этом, берет и говорит что маникюр и вообще парикмахерские - это очень опасно и плохо, потому что можно порезаться и заболеть смертельной болезнью спидом.

Я подумал: а ведь и правда! Кто там, за ними, смотрит?

Надкусят ошибочно ухо, а там потом вскочит что-нибудь порочное, и поди докажи, что ты это ухо ни к чему не прикладывал в любовном самозабвении. Очень обидно получится.

Я сразу вспомнил одну медицинскую легенду-анекдот, которая, похоже, сначала была вовсе не анекдотом. Во всяком случае, нам этот случай описывали на занятиях. Легенда рассказывает о цирковом артисте, совершенно лысом. Природа такой пустоты, разумеется, не потерпела и послала ему украшение, барельеф в виде шанкра. И все гадали: как же так? Большая же голова, не приспособишь по назначению. Оказалось, что артист выступал в паре с артисткой, у которой было столько венерического яду, что он даже пропитывал узенькую полоску трико. Напарница имела привычку забираться артисту на лысину и садиться там в шпагат, вращаясь для увеселения публики. Публика, конечно, бесхитростно ревела, а наездница натерла ему сифилитическую трудовую мозоль.

Моя бы власть, я бы все парикмахерские перевел под крышу министерства здравоохранения. Чтобы в них был такой же порядок, как, скажем, в моей больнице.

Постригся, побрился чистенько. И пошел зарабатывать спид туда, ради чего стригся.

Адамсы

Интеллигентная семья. Юная дева лет девятнадцати. Образованная мама. Потомственная бабушка шаркает. Плюс Скорая Помощь. Потому что девочка чего-то в небо смотрит и рожи корчит. Не по-тургеневски совсем. Скорее, что-то из Хармса, если не серьезнее.

И доктор спрашивает:

- А давно она у вас этим занимается? Вы, вообще, не замечали, что у нее поведение немного странное? Дурашливое такое, неадекватное?

Мама:

- Если вы сами гебефреник, пошли вы на хуй!

Доктор:

- Постойте. Вы, получается, знаете, что такое гебефрения?

Мама:

- Идите на хуй, вам сказано!

Подошла бабушка в очках и тапках. Доктору:

- Вас что, первый раз посылают на хуй? Вы уже давно должны были привыкнуть к этому делу.

Русский Покемон

Одна больная, занимавшаяся бытовым антисемитизмом, постоянно с бодуна вызывала Скорую Помощь. И к ней, как нарочно, приезжали сплошные евреи, а она их посылала на хуй и написала жалобу. Потом решили послать к ней русского доктора. Он входит, она ложится. Морщится, постанывает и между делом интересуется:

- Как ваша фамилия?

- Иванов.

Надменный и сострадательный взгляд, сменяющийся острым неистовством:

- Вы такой же Иванов, как я... как... Фигельбом. Идите на хуй!

Ну, поспорили немного об этой командировке. Пришлось ей позвонить ответственному врачу. С отчеством Иосифович.

- Я умираю, а вы мне одних евреев присылаете...

- Ну и сдохнешь ты, сука. У нас сегодня все евреи!

P. S. Она, кстати сказать, не так уж ошиблась, когда заподозрила доктора в мимикрии.

Подобрали они с бригадой пьяного клиента с битым, как выразился доктор, ебальником, и ухо раздуто. Сами не знали, зачем. Зачем-то. Тут машина забуксовала. А бригаде толкать не положено. Вытряхнули клиента, велели толкать. Доктор выглядывает, говорит шоферу:

- Смотри, русский Покемон, вон ухо какое.

Возвращение со звезд

Мне позвонил мой товарищ со скорой помощи. С риторическим вопросом.

Условия задачи: немолодой дедушка, 72 года, живет за чертой города, но никак не за чертой бедности, потому что владеет деревянным домом, а внучке по пьянке сделал шикарный подарок: купил жеребенка. До жеребенка он ничем и никогда не болел, а на фоне жеребенка прихворнул, потому что жеребенок был с приветом: искусал его, сломал руку, отхрумкал пальцы, дал по морде (челюсть пришлось шинировать).

Дедушка полежал в больнице пару месяцев, вернулся домой и вырубился. Тут и начался детектив.

Приехала Скорая Помощь, приступила к дознанию. Сын деда недоумевает: здоровый дед! пьет редко. Литр может принять. Вчера не принимал.

Дочь деда - туда же: здоровый дед. До жеребенка - никаких претензий.

А дед лежит на полу без чувств и пускает пузыри. Доктор уже место запросил в больнице. А фельдшер вдруг говорит:

- Слушай, нам тут дали глюкометр. Давай проверим сахар.

Ну давай, раз есть глюкометр.

Проверили - а сахара и нет.

- Гм! - чешет голову доктор. - Ну, тогда давай хуйнем ему глюкозы!

Хуйнули, как выразился мой товарищ, глюкозы. Дедушка приступил к возвращению со звезд. Первая ступень пошла. Или пришла. Я не знаю, как возвращаются. Сыну:

- А чего это тут стоят два урода каких-то? Ну-ка пошли их на хуй!

Еще влили глюкозы. Вторая ступень пошла.Речевой диапазон расширился. Было "на хуй", а стало:

- Давайте вы ребята отсюда пиздуйте.

Дали 2 бутерброда. Динамика после двух бутербродов: направления указываются те же, но общая манера смягчилась.

Собственно говоря, товарищ звонил мне, чтобы узнать: с чего вдруг упал сахар?

А я почем знаю.

Спасибо, спасибо

От первого лица. Рассказывает доктор. Так просто рассказывает, почти бессюжетно, в режиме полуосознанного монолога.

"Вот, заходим, мамаша нас на лестнице встречает. Изумленно приговаривает:

- Да он не пьет и даже не курит!

А там на мальчике, лет двадцати, совершенно черном, героином обдолбанном, лежит папа. Пьяный. Наверное, хотел оживить и уснул поперек мальчика. Теперь рычит, барахтается.

Мамаша:

- Ну, может быть, немножко курит.

Да. Дороги на руках такие, что не попасть. Я попал в подключичку. Да я и не целился, а так просто, хернул шприцем, потому что заебало уже. Гандон уже не дышал. Заинтубировали. Мальчик очнулся. Сел, сразу сказал:

- Так, пошли вы все на хуй.

Трубку вырвал, покашлял немножко. Нормально!

Я ему говорю:

- Ну, поехали в больницу все равно.

Потому что после налоксона нельзя вот так оставлять. Он не хочет, упирается. Я его взял за шиворот, пару раз по ебальнику дал. Он по дороге рухнул, налоксон минут сорок действует. Я ему дал своего герыча немножко. Юноша:

- Я вам так благодарен!...

А у приемника, когда приехали, вообще упал, как подкошенный. Красивая была картина! Идет, ноги заплетаются, и опять повторяет:

- Спасибо, что меня привезли! Я вам так благодарен! так благодарен!

И - ебальником о бетонный пол".

Доктора распирают чувства. Он восхищенно хихикает женским смехом, чмокает. Спас юношу, между прочим.

Теория Вирхова

Расчудесный писатель Клубков мучился деснами. Явился ко мне и начал сдержанно мучиться.

- Лечи печенку, - говорю. - Это же все от нее.

Оно и вправду так, особенно в китайской трактовке. Глаза, например, тоже зеркало печени: слезятся с бодуна и желтеют при желтухе. А с деснами вообще все просто, можно объяснить сосудистым ходом. Велел я ему пить травку-расторопшу. И стал он ее пить. А потом пошел к знакомому патологоанатому и все ему рассказал.

- Чччччто за чушь!.... - взвился доктор. - Чччччччччто он такое говорит?!... Лечить надо орган! орган!....

И сердито замолчал. Третьим глазом прислушиваясь к немцу Вирхову, старому медицинскому гестаповцу, который тоже так думал. Ответные похвалы, которыми сыпал Вирхов, доктор улавливал без труда. Благо по долгу службы давно привык сообщаться с потусторонним миром.

Конечно, нет хлеба - кушай пирожные, это ясно. Ему-то лечить орган одно удовольствие. Органы аккуратно разложены на подносе, рядом - вострый ножик, стакан спиртика, лучок, беломор-папироса. Все абсолютно ясно. Безошибочная диагностика.

Child Abuse

Сейчас много рассуждают о сексуальной травме детского возраста. Не в трамвае, конечно, а в книжках, которые я вынужден читать по работе. И постоянно приводят какие-то примитивные, грубые примеры. Вот у меня была травма достаточно необычная - вернее, ее обстоятельства.

Когда мне было лет семь-восемь, бабушка возила меня в пионерлагерь Инструментального Завода. Она там работала докторшей. И я развлекался вольготной жизнью. В казарме не жил, на линейку не ходил, в глупые игры не играл. Общественные ребята меня за это, конечно, недолюбливали. Учили разным плохим вещам. Один раз научили стишку и сказали: прочитай папе. Но я уже что-то подозревал и решил сначала порадовать бабушку. Дай, говорю, я тебе стишок прочитаю. Бабушка растрогалась: лубочный внучек будет читать лубочное стихотворение. Поставила меня, в коротеньких штанишках, на стульчик. Откуда я изрыгнул такое, что у нее кровь отхлынула от поверхности тела.

А потом эти ребята научили меня рисовать на руке сердце, пронзенное стрелой. Я с удовольствием нарисовал этот символ шариковой ручкой. И гордо расхаживал. Не знаю, что я себе воображал, но, видимо, эта акция вполне устроила мою зачаточную сексуальность. Но бабушка таких вещей не выносила. Она, пожалуй, даже с излишней болезненностью воспринимала всякого рода блатную атрибутику. Что-то здесь было нездоровое, оставшееся у нее от рабфака 20-30-х годов. При виде убитого сердца она рассвирепела. Схватила меня за руку и поволокла в баню, хотя я весь уже успел помыться, был банный день, и у меня осквернилась только рука. Но она все равно потащила меня в баню целиком. А в бане мылся женский обслуживающий персонал. Доисторических размеров поварихи, прачки и уборщицы. И в этой бане, думая, что я ничего не смыслю, бабушка стала отдраивать мою руку. Затолкав, разумеется, меня к этим женщинам, в чем мама родила.

Я мало что помню. Какие-то чудовищные фрагменты. Или это позднейшие наслоения Рубенса? Эрмитаж? Клубы пара, страшное уханье. Обнаженные горы. В какой-нибудь Америке мою бабушку не то что засудили бы за беспрецедентный абьюз - ее бы казнили. Мне достаточно было бы позвонить в 911. Но я совсем не хотел, чтобы бабушку судили и казнили. Я понимал, что виноват, и что пронзенные стрелами сердца - ужасное преступление. Да и позвонить было неоткуда. Начало 70-х - откуда там телефон?

Если только у начальницы. И то, наверное, не было. Никакой Америки. А то бы они живо. Я, между прочим, по сей день не выяснил, в чем эта травма сказалась. Но должна была сказаться. Это точно. Что-то слетело с катушек, а я и не вижу.

Вспомнить все

На этот раз вышло, что хотели все-таки добра, но в каком-то циничном контексте, а потому получилось благо. Наверно.

Скорая Помощь явилась не то на инсульт, не то на что-то еще печальное. Бабушка была совсем старая, лет восемьдесят. Она слабо разбиралась в обстановке, и, по всем признакам, не собиралась задерживаться в этой жизни. Хотя такие бабушки, слава Богу, очень живучи. Я помню, одна покойная прабабушка прислала поздравление молодоженам на свадьбу, где я гулял. И родители зачитали от ее имени торжественный текст.

- Ну, вы же понимаете, - вкрадчиво и сочувственно сказал доктор бабушкиному деду. - Пока везем, пока то, да сё...

Намекая, что может и не довезти. Вполне искренне. Подталкивал деда отказаться от госпитализации. И был, в общем-то, прав, потому что плохо придется всем - и бабушке, которой в больнице не помогут, и деду, и Скорой Помощи. Дед согласился. Бригада засобиралась на выход. Но доктор, ощутив укол совести, задержался.

- Слушай, - шепнул он фельдшеру. - Она совсем никакая. В пролежнях вся, еле дышит. Впори ей что-нибудь для виду... ну, я не знаю. Анальгин с пипольфеном впори.

Фельдшер послушно впорол. От пипольфена у бабушки мгновенно развился острый психоз. Она вскочила с постели и стала гоняться за дедом, принуждая его к срочному сожительству.

- Да я уже лет сорок не ёбся, - оправдывался дед. - Я забыл, как это делается.

- Придется вспомнить, - серьезно посоветовал доктор.

Лев и собачка

Сразу после института я начал активно учиться теории и тактике хрени. Что касается укрощения разнообразной хрени, то сидел у нас в ординаторской один флегматичный доктор, который стал для меня образчиком этого дела. Он был, есть и, надеюсь, будет крайне немногословен. Никому не удавалось выжать из него длинное предложение. Он никогда не глядел на собеседника. Этот доктор всегда таращился куда-то себе под нос, обычно - в бумаги. Но доктор был очень хороший.

- На что вы жалуетесь?

- У меня (взволнованно, краснея, возбуждаясь) ужасно, страшно болит голова!... Адская боль!..

- Головные боли... - равнодушно низводил жалобу доктор, карябая ручкой.

Я, проходя мимо, заглядывал в лист назначений. Там было все, как всем, как обычно. Без особого вымысла. Доктор был похож на тюбик с пастой, в котором проделали очень маленькую дырочку. Мог и лопнуть немного, если сильно надавить.

Однажды явился какой-то ревизор. Седой благообразный барин в белом халате, с львиной мордой и пренеприятным известием. У доктора моего лежала высокая стопка историй болезни, подготовленных к заполнению. Ревизор глубоко и сыто вздохнул. Он начал что-то говорить, высказывать какие-то претензии. Он принес свою стопку, из архива

- М-м!... - полуудивленно мычал доктор, не отрывая глаз от каракулей. - Да... Ага...

- Посмотрите, пожалуйста, сюда, - требовательно настаивал лев. - Где то-то? Где сё-то?

- Да... надо же... - посочувствовал доктор.

- Вы не очень-то любезны!

- Да? - не поднимая головы. - Ну, что ж... ммм... хорошо...

Лев злобно крякнул и вцепился в очередную историю. Преступление вскрылось мгновенно:

- Вот, уважаемый, где же тут заключительный диагноз? Это ваша история! Мне придется составить рапорт...

Он сунул доктору преступную историю, чтобы тот посмотрел. Доктор молча взял ее и хмыкнул, не без радостного удивления:

- Действительно... нету!

Взял ручку и написал.

Лев окаменел. Это вам не набережная, хотелось ему напомнить. Лицо у него стало... я даже не знаю, с чем сравнить. Ну, вот если представить себе председателя центризбиркома

Вешнякова, на глазах у которого пишут "хер" в законную клеточку и бросают бюллетень в урну, то это будет похоже, в некотором приближении.

- Как же вы посмели? Немедленно... зачеркните!

- Ну, так уж вот... да... угу (продолжая писать свое).

- Немедленно зачеркните запись! Вы мошенник!

- Да? А вы осел и негодяй!

Лев, передвигаясь крупными прыжками, выскочил из ординаторской. Встал и доктор. Он побагровел и шваркнул историей о стол. Вышел следом, пригнувши голову. Тюбик лопнул, и теперь поперло.

Дорожно-транспортное происшествие

Скорая Помощь постоянно имеет дело с разными ДТП. И вот какая была история.

Подобрала бригада одну наркотическую женщину. А она захотела. Тепла, понимания, участия и вообще мужика.

- Удовлетвори женщину, - приказал доктор фельдшеру.

Тот стал удовлетворять. Машина едет себе по шоссе. И фельдшер через минуту недовольно говорит:

- Что-то мы ровно едем очень.

- Ты совсем обленился, - сделал ему замечание доктор. Но, конечно, велел шоферу свернуть во двор, где кочки с ухабами. И Скорая Помощь стала кружить по этим ухабам. Тут шофер сообразил:

- А я?

Чего это он, дескать, трясется за просто так. Сытый фельдшер уже отвалился, и доктор послал шофера ему на смену. А сам сел за руль. Шофер расположился, подпрыгивает на кочках, ленивенько удовлетворяет. Доктор объехал два раза вокруг двора. Вдруг, откуда ни возьмись, БИТ: Бригада Интенсивной Терапии. Приехала в один из домов, которые двор образовывали. А в это бригаде были сплошные женщины. Вот они и присмотрелись к Скорой Помощи, которая вела себя непонятно. Каталась по кругу.

Накатали телегу. Фельдшера выгнали. Шофера не тронули, потому что с него и взять нечего, он же шофер. И доктора не тронули. Он за рулем был.

Романенко

Многие сволочи и скоты в душе своей добрые и милые люди. Это все окружающая среда виновата.

Был такой небезызвестный Романенко, философский историк партии научного коммунизма и атеизма. Помогал ковать кадры в нашем медицинском институте. Для Фабрики Здоровья, получается. Однажды он окончательно съехал с катушек и спятил на почве коммунального антисемитизма. Зашумел, попал в газету и телевизор, возглавил богатырское движение и написал книгу. О происках.

Благодаря связям, которые он успел наладить в медицинской среде, его так и не освидетельствовали. Он, однако, сетовал на гонения. И принялся раздаривать свою книгу. Студентам, прямо на занятиях. Жал руку, писал благодарные слова и дарил.

Настолько обезумел, что подарил ее одной девушке Гале с невыносимо ветхозаветной фамилией. А внешность у нее была такая, что можно было еще одну книгу написать на ту же тему. Эта Галя вообще втиралась в доверие. Ее один светозар невнимательно трахнул, а она ему потом руку поцеловала. И вот их глаза встретились. Оловянные Романенко и ее, ветхозаветные и печальные.

Романенко рукопожал Галю. И написал ей: "Товарищу по борьбе, в трудную для автора минуту". А вы говорите.

Расёмон

Моя маменька в свое время была председателем товарищеского суда. Судили санитарок. Они писали объяснительные. Например:

"Мы купили бутылку вина, пришли домой и стали танцевать. Пришла его первая жена. Я открыла дверь, а она ударила меня туфлей по голове. Тогда он сказал мне одевайся и подал мне трусы. Я вышла во двор и бросила в окно камень, но это оказалось чужое окно, поэтому мне пришлось разбить второе. А теперь мы все помирились и претензий не имеем".

Первая жена описывает события иначе. Получается расёмон:

"Я пришла и застала их на диване. И она стала мне показывать разные позы".

Месть и закон

Вот еще немножко о товарищеском суде в родильном доме. Дела давно минувших дней.

Приехала однажды комиссия всех проверять и нашла там сифилис у Надьки 53-х лет. Почему-то удивились и начали проверять уже по-настоящему всех. Нашли еще один сифилис, у Тоньки, но уже 19-ти лет. Надька была санитарка, а Тонька была медсестра.

Надели резиновые перчатки, спрыснулись одеколоном, взяли Надьку и Тоньку за провинившиеся места и стали пытать. Не успели еще засунуть Тоньке испанский сапог, как она набросала список половых друзей: 21 человек. Это которых она помнила. В первом и последнем приближении с их стороны. Я думаю, командира и комиссара она не выдала.

Потом Тонька, Надька и Один Их Друг собрались у Тоньки. Что позволило Тоньке наконец-то ударить Друга ножом. За дальнейшую эстафету сифилиса. Окровавленного Друга свезли на заслуженное комплексное лечение, а Тоньке устроили товарищеский суд Линча.

Были вопросы: почему же просто товарищеский? За такие-то достижения. Набился полный конференц-зал. Раз уж суд товарищеский, позвали тамбовского волка. Пришел милиционер. Тонька держала возмущенную речь:

"Решили отметить. Я, как порядочный человек, принесла поллитра. А Надька что? Надька на закуску поставила только четвертушку круглого. Чего ж вы хотите?"

Джимми Сваггерт

Мне очень здорово, что я уже не работаю с людьми. "Он не заслужил света, он заслужил покой" - это прямо-таки про меня, хотя в мастера я не набиваюсь. С людьми работать горестно и трудно.

Есть в моей биографии не самая выгодная страница. Спишем на время и мою экономическую неграмотность. Короче говоря, связался я с одной торговой компанией. Не буду ее называть, обойдется. Таких много, и названия все на слуху. Так что я превратился в коммивояжера. Ходил везде прилично одетый и предлагал товар. Физическим лицам. Очень убедительно. Ну и вообще вовлекал их в орбиту своих узколобых интересов.

Рассказывать про все, чего я там навидался - долго и невыносимо для души. К Фабрике Здоровья это имеет то отношение, что я торговал полезными для этого здоровья вещами.

Однажды я пришел в один дом, где обитали мама и дочка. Дочку я уже подцепил на крючок, она доверчиво заглотила его вместе с грузилом, и я, собственно, явился за деньгами. Но мама была тертый калач. Она караулила меня, имея на лице зловещее выражение. Внимательно выслушав мои разглагольствования, она посмотрела буклеты и заявила, что дочка в этом деле не примет ни малейшего участия. И денег мне не дадут. А те, что я уже взял, пусть я верну. А когда дочка стала что-то вякать, мама припугнула ее призраком покойного папы. Так и сказала: мол, папа следит за тобой с того света. И корчится.

Ну, я не стал возражать. Гамлета вспомнил. Папа там смотрит, кто его знает. А мамаша, чувствуя себя в силе, уже перешла на повышенный тон. Я ей, конечно, все отдал и пошел в коридор позвонить.

Стою там благородно с трубкой и краем глаза вижу, как медленно отворяется входная дверь. И кто-то входит боком, в бронежилете. И целится в меня из пистолета. Я поднял руки и сделал брови домиком. Видимо, улыбнулся. Меня чуть поосязали и признались, что сработала сигнализация, потому что забыли запереть дверь. Надо платить штраф за ложный вызов.

"Ох, ох!" - запричитала мама, глядя на меня с ненавистью.

"Что, и в этом я виноват?" - осведомился я.

"Да! И в этом! И в этом!"

Я не удивлюсь, когда на вскрытии выяснится, что мое сердце покрыто рубцами. Приятно будет понаблюдать вместе с зорким папой, если мы к тому времени куда-нибудь не улетим для

приятных бесед о вечности.

Впрочем, опыт мой был не вполне отрицательный. Я научился не бояться публики и сделался настоящим шоуменом. Выступал при большом скоплении народа, шаманствовал и охмурял.

Конечно, мне далеко до Джимми Сваггерта, который с легкостью брал стадионы. Помню, по воскресеньям постоянно крутили его проповеди. Это только потом, если я не ошибаюсь, выяснили, что он там кого-то развратил между концертами. А пока крутили.

Мой атеистический дядя сидел за столом и качал головой:

- Но какой артист! какой талант!... задурить столько бошек - с ума сойти!

Джимми Сваггерт, искренне заливаясь слезами, срывал очки и потрясал исчерканной Библией:

- И он раскрыл эту книгу! И исцелился!... И слава Богу!... Аллилуйя!...

Дядя, опохмелившись, медленно наливался ядом:

- И он пошел в магазин!... И купил еще одну бутылку!... И слава Богу!... Аллилуйя!... Аллилуйя!... ккакого...ййяя!.... (уже отвлекаясь).

Торичеллиева пустота

Это что-то о вакууме над столбом воды. Вполне реальная вещь. Я много раз наблюдал, как выше двух стаканов чая в желудке - ничего, ничего.

Из не вошедшего в основную хронику "Под крестом и полумесяцем": идем мы с моей заведующей из автобуса на работу. И беседуем. Точнее, я помалкиваю, потому что уже начал кое-что понимать. И она тяжело молчит. Но вдруг говорит:

- Интересно, если тяжелое и легкое бросить одновременно, что упадет первым?

Немного смутившись внезапностью темы, отвечаю:

- Ничто. Вместе упадут.

- А я думаю, что тяжелое упадет первым.

Я догадался, что заведующая принадлежит к школе Аристотеля, который говорил, что тяжелые предметы быстрее падают на Землю. Мне стало обидно за Галилея и Ньютона. Я, высокомерный, в своем умозрении заранее надругался над прозорливой заведующей. Я и не знал, что в настоящее время установлено, что скорость падения разных предметов будет разной. Но это было неважно и не повлияло на дальнейшее.

- Нет, не первым.

- Нет, первым.

Пришли на работу, в ординаторскую.

- Давайте проверим.

Пятый этаж. Я взял скрепку и гвоздь, распахнул окно:

- Смотрите, бросаю!

Заведующая недоверчиво приблизилась. Я высунулся и бросил предметы.

- Вон, вон полетели, смотрите!

Снизу печально звякнуло.

- Не вижу ничего, глаза слабые, - разочарованно и сердито сказала заведующая.

Я развел руками.

- Такие опыты, - крякнул потом мой коллега, почесывая лысину, - такие опыты... они обычно приходят в голову... сами знаете, когда....

Семантика

Водители Скорой Помощи напились после работы. Один пришел на станцию и говорит:

- Я Гришу убил.

- А что ты сделал?

- А я ему ебальник набил.

Доктора потянулись к Грише. Поехали. У Гриши действительно сломано основание черепа, отвезли лечиться и набираться сил.

Доктор вернулся. Диспетчер, с паспортным именем Шарлотта, спрашивает:

- А ты ему в трусы посмотрел?

- Это зачем еще?

- Но Паша же сказал, что он Грише набил ебальник!

Шарлотта

Итак, про Шарлотту.

Она была диспетчером на одной Скорой Подстанции.

Шарлотта, немолодая уже, сидит в своей клетке и что-то кушает. Или еще что-то делает.

Входит мужчина, стонет, держится за сердце.

- Простите, пожалуйста, можно мне...

- Пошел на хуй.

Гость, продолжая держаться за сердце, уходит.

Шарлотту дразнили, над Шарлоттой издевались - грубо, безжалостно, не по-докторски, на самом низком уровне. Насыпали в сок слабительного и снотворного; потом ликовали, когда она уснула на толчке. Однажды затеяли бросать ей в окно дымовые шашки. Или это, может быть, были петарды-шутихи, точно не скажу.

После смены доктора с шоферами и фершалами сидели в скверике, играли в игры. Шарлотте их было не видно. Время от времени кто-то один подкрадывался и метал шашку в окно. Шарлотта позвонила ответственному дежурному и пожаловалась. Она сказала, что на ней испытывают какое-то новое оружие. Если бы дежурный не знал Шарлотту, дело закончилось бы плохо. Но он ее знал и просто выматерил.

Через несколько дней неподалеку от Подстанции взорвали какой-то магазин. Взорвали с душой, и магазин разложился на атомы. Шарлотта ходила и приговаривала:

- А я говорила! Я всем говорила!...

Когда Шарлотта умерла, но совсем от другого, ее хоронила вся Подстанция. Ну, почти вся. Доктора пришли, шофера, фершалы.

Грезы и будни

Казалось бы - уж логопеды? они-то в чем провинились?

Да ни в чем, конечно. Просто я уже не раз намекал, что в нашу больницу стянулись очень странные люди. И стала она резервацией.

Я любил навещать логопедов, отдыхать с ними душой. Чай пил, разговоры разговаривал.

Одна из них, милая и приятная женщина, иногда становилась откровенной и непосредственной. Признавалась в разных вещах. Это она, когда мы обсуждали достоинства семейных мужских трусов, добавила к чьим-то хвалебным словам "Рука свободно проходит" личное наблюдение: "И голова".

Очень дружила с нашим урологом. Однажды, по сильной зиме, он не приехал, а она его ждала. Он позвонил, и все мы стали свидетелями раздосадованного выговора:

- Почему же вы не приехали?

- Так холодно! - слышно, как уролог взволнованно оправдывается в далекую трубку. - Минус двадцать пять!

- Почему моя личная жизнь должна зависеть от вашего замерзшего эякулята?...

Потом она как-то раз, поглядывая еще на одного доктора, призналась мне по секрету в мечтах. Ей хотелось вскрыть доктора острым предметом - желательно ногтем, выпустить все, что внутри, наружу и красиво разложить. Были и другие желания, которыми она делилась. Третьего доктора она хотела съесть, переварить и выделить.

Но грезы грезами, а будни - буднями. Начиналась работа.

Логопед садилась за стол и приступала к занятиям с онемевшими паралитиками. Те мучительно мычали и не справлялись. Им было велено сидеть с руками, положенными на стол.

Логопед, улыбаясь, поигрывала линейкой. Но линейка не всегда помогала. На этот случай под столом была нога, обутая в острую туфельку. Все в ней было острое - и носик, и каблук.

Незримый бой

Дело было так.

Некий мусор затеял незримый бой в дорогом ресторане; за этот бой ему было назначено судьбой по морде, и очень сильно - так, что пришлось вызывать медицину.

Мусора погрузили и повезли штопать. К его большому негодованию. Он потрясал ксивой, грозился страшными вещами и порывался достать пистолет. Но потом ему стало плохо, и он отвлекся.

(Я заинтересовался: "Почему ему стало плохо?" Доктор подумал. "Ну... у меня в машине есть средства, от которых человеку может стать плохо". Я не отставал и узнал-таки, в чем дело. Незримый бой, потому что в машине не видно, продолжался. При виде пистолета доктор бил мусора железной дубинкой по руке и приговаривал: нельзя так делать! нельзя! нельзя! нельзя!).

Потом притормозили на мосту. Доктор взял у мусора ксиву, взял пистолет и выбросил в реку Фонтанку.

Щелкунчик

Нашу поликлинику посещал выдающийся больной Городулин. Его фамилию я только чуть-чуть изменил, чтобы не улетучился легкий налет дебильности.

Поджарый, с огромной челюстью и редкими зубами, похожими на колышки, которые спьяну наколотили для долгостроя, он был неизлечимо безумен. Угрюмое помешательство застыло в его выпученных глазах, тоже остановившихся.

На мой взгляд, любая конкретизация смысла жизни есть безумие. Чем мельче, тем безобиднее, но окружающим все равно достается. Идеальный образчик - пенсионер, изобретающий радио. А Городулин направил свою энергию в иное русло. У него был сустав в районе лопатки. У всех такой сустав есть: лопатка, ключица, плечевая кость. Но Городулин умел им щелкать.

Через это дело он думал выхлопотать себе инвалидность. В начале 90-х с этим было попроще, чем сейчас. Теоретически, он мог преуспеть. Очень зыбкая тема. И так можно решить, и сяк. Но решали все время сяк, то есть не в пользу Городулина.

Ни о чем другом, помимо ослепительной картины будущей инвалидности, Городулин не думал. Его раздевали до пояса и он, как заправский иллюзионист, принимался вращать рукой и гулко щелкать суставом. По-своему, он был прав: не должно же щелкать! С этим щелканьем познакомилась вся поликлиника. Он, торжествуя, щелкал везде. Попутно сетовал еще и на хребет, где что-то срослось, но это уже было не так эффектно. Зато щелчки повергали всех в растерянность. Никто не знал, что с ним сделать и как его вылечить. Никто не понимал, каким образом эти щелчки ограничивают профессиональный потенциал Городулина. А они ограничивали. Он все время сидел на больничном и чаще всего - у меня. Собирали комиссии и консилиумы слушать, как он щелкает. Приглашали моего сменщика, лютого неврологического зверя, но и тот оказался бессилен. А главврач был стоматологом, он вообще впервые в жизни видел этот сустав.

Городулин ликовал и оттопыривал нижнюю губу. Он ловил докторов на улице и заговаривал с ними об инвалидности. Отлавливал их в автобусе. На прием являлся последним и без разрешения, когда я уже пиво откупоривал.

Однажды, на излете лета, щелкунчик остановил меня на пути домой. Начал жаловаться на докторов и сустав. Я присел на лавочку, усадил его рядом и сказал, что у меня есть план.

Он мрачно и недоверчиво слушал, глядя прямо перед собой.

- Вот так будем действовать, - сказал я ему на прощание. Через несколько дней я уволился.

Честь имею

Когда я учился в школе, у нас был нарочито трогательный литературный вечер. Взволнованная девушка прочувствованно читала там стих с такой вот строчкой: "А мне приснился сон, что Пушкин был спасен". Я не помню, кто его написал, я человек серый.

Но Пушкина действительно становилось очень жалко. Возникали мысли о машине времени, предупреждении, вмешательстве и так далее, пока не Грянул Гром. Одновременно всем было ясно, что спасти Пушкина было невозможно.

Однако спустя много лет я узнал, что у него все-таки был способ спастись. Простой настолько, что только гениям и приличествует.

Ехали мы с нашим дружным коллективом на работу, в служебном автобусе. Прислали не хороший большой, в котором, как уверял водитель, "полетели микросхемы", а маленький, для трупов. Очень тесный. Я уже про него рассказывал.

Сидим в нем, как можем, едем. Мы с моим другом-урологом устроились рядышком впритык. И сажаем себе на колени одну нашу даму. Поочередно. Она, ветреница, веселится вовсю и кокетничает сквозь пальто. То на мне посидит, то на уролога пересядет. А мы как раз проезжали недоброй памяти Черную Речку. И я, кивая на это скорбное место, довольно замысловато излагаю: мол, из-за женщин иногда возникают драматические конфликты. О чем нам напоминает пейзаж. И как бы он, хищный уролог, посмотрел на возможность дуэли из-за общей наездницы? Потому что вот она, моя перчатка по случаю декабря, и сейчас она полетит ему в рыло.

Тут-то он и озвучил выход из смертельно опасной ситуации. Он изумленно осклабился и недоумевающе пожал плечами:

- Да я просто не приду.

Кодекс здоровья

Пришла дочкина подружка, играть. Говорит, что папа заболел. Температура, горло и все такое.

- Лечится? - интересуюсь.

А как же.

- Он выпил святой крещенской водички и сел смотреть "Старика Хоттабыча".

Суп

Пуповину, которая связывала меня с больницей, резали тупыми ножницами. Не дорезали, пошли пить чай. Время от времени я названиваю туда, слушаю последние известия.

Например, я с интересом узнал, что в больнице, помимо главврача, образовался Директор. Я даже не стал спрашивать, чем он занимается. Я решил не трогать океана и ознакомиться с мутными каплями. Одной из капель стал рассказ про реформирование отдела кадров.

Там срочно закупают оргтехнику, которая стоит немалых денег, и ничего с ней такого не делают, складируют. Кроме того, там тоже появился новый начальник. Он купил дорогой фотоаппарат и предложил переснять личные дела всех сотрудников. Две тысячи человек.

Дальше я слушать не стал, попросил рассказать что-нибудь повеселее. Мне сказали вещь, которая меня буквально потрясла.

Оказывается, моя коллега, с которой я бок о бок проработал четыре года, делил с ней ординаторскую и если от чего и сбежал, так это, в частности, от нее - она вот самая не умеет пользоваться ложкой.

Она родом с Востока, а у нас обитает лет тридцать. Невропатолог первой категории (не высшей ли уже?). Не владеет ложкой. У них это не принято. Как же я проглядел?

Выяснилось при заборе образцов на пищеблоке.

Сидит она и жрет курью лапу. Входит дежурный доктор, изумляется: супчику! супчику почему не едите?

- А я никогда не ем супчик, - отвечает она, очень довольная. - Я не знаю, как пользоваться ложкой.

???

- Ну, а дома? дома-то? у вас же сынок... небось, супчик ему варите...

- Иногда варю, да, но ложкой все на себя проливаю, не держится.

Доктор прекратил расспросы и впился в лапу, но уже в свою, то есть в свою куриную.

Социальное научение

Продолжаю перебирать полученные сексуальные травмы. Настроение такое.

В пионерском лагере мы с друзьями строили разные планы. Все они заканчивались одинаково: догнать и поймать сверстницу, привязать ее к дереву и снять трусы. А дальше - непонятно.

Приехал ко мне в гости мой дедушка. И я поделился с ним своими идеями.

Дедушка помрачнел и запретил.

- Один вот тоже, - сказал дедушка. - Побаловался с девочкой, а она ему говорит: женись на мне! Он не захотел. И его посадили на десять лет. Вот как опасно!

Драйвер, поставленный мне дедушкой, был заархивирован и распаковывался по мере надобности.

Действительно, опасно с этими девочками. Десять лет - ну на фиг, я решил никого не привязывать. Наручники там, батарея - это же верный срок.

Несуны

Я и сам был несун.

На первом курсе мы ходили в анатомический театр, в самый партер. И я таскал позвонки: поиграть, погреметь, похвастаться. Они были чистые, аккуратные и почти ненастоящие.

Но попадались и матерые расхитители социалистического добра. В анатомичке к их услугам был огромный чан: ванна с крышкой, наполненная первичным некробульоном. В бульоне плавали Органокомплексы. Их вынимали либо черпаком, либо - сейчас уже не вспомню - сачком, а то и просто рукой, с рукавом, закатанным по плечо.

По нашему институту ходили легенды про украденные головы. За их правдивость не поручусь, а вот Органокомплекс однажды украли. Положили его в хозяйственную сумку и повезли в метро.

На контроле сержант, привлеченный криминальным запахом, остановил несуна.

- Что у тебя там? - спросил он строго. заглянул в сумку, расслабился, махнул рукой: - А, мясо...

И отпустил. В милиции тоже люди. А с мясом тогда было не очень. Все носили, потому что была Империя Зла.

Братец таланта

Некоторые мудреные вещи можно выразить не словом, а лишь его частью.

В годы студенчества был у меня добрый приятель по прозвищу Братец. Это было его любимое обращение. Сейчас, к сожалению, Братца уже нет, его погубила пьянка и наркота. В начале 90-х я пытался как-то ему помочь, водил к игольчатому китайцу. Братец сидел в коридоре и глухо ерничал, бубнил: "Ходя-то где? Где ходя-то?"

А ходя спрессовал ему пульс, заглянул в глаза и задал единственный вопрос: "Семья есть?"

Я, вообще-то, хотел рассказать про политэкономию. Это про нее я сказал: мудреная вещь. Политэкономия давалась нам с Братцем тяжко по причине нашего глубокого антисоветизма. А может быть, и еще почему-то. У меня до сих пор сохранился лист, на котором запечатлено документальное доказательство усердия Братца в ее изучении.

Братец не то чего-то выпил, не то уколол себе. Короче говоря, он взял учебник и начал добросовестно изучать его с самого предисловия. А там шла речь о разном товарообмене, причем предметами этого обмена постоянно выступали овца, сапоги и топор.

Сначала Братец выписал восемь или десять определений слова "труд" и все подчеркнул. Потом у него, видно, что щелкнуло, и он стал мучительно разбираться в механизме обмена. Для наглядности он кое-что нарисовал: ошеломленную овцу на трех ногах, знак плюса, условный топор, знак равенства и скромные сапоги. На этом занятия закончились. Наука не давалась. Хотя, по-моему, мы очень креативно к ней подошли: пытались выразить вербально, художественно, и разве что в танце не пробовали, а песня точно была какая-то, но за непристойностью позабылась.

Пришли на урок. Тогда еще, в 84-м году, все было строго. Это в 87-м, в контексте Научного Коммунизма, пошли разговоры про банду Ленина, и никто за это не выгонял из института, наш педагог только морщился и махал рукой: садитесь, садитесь.

Первым подняли меня. Я произнес речь, из которой следовало, что все устроено так: оборот на оборот, а капитал на капитал. Братец молча вертел в руках ручку, глядя в стол, до копчика потрясенный моим рассказом. А я принимал его молчание за одобрение и согласие.

- Где вы прочитали все это, о чем сейчас глаголили? -

спросили меня, выводя пару.

Я сел на заслуженный отдых. Злобно толкнул Братца, а тот начал оправдываться: мол, никак не мог понять, о чем же я толкую. Тут его выдернули и велели идти к доске рисовать таблицу.

- Слева - Лучшее Предприятие, - диктовали ему, не глядя. - Справа - Худшее.

"Лучшее", - старательно вывел Братец. "Ху..."

Рука с мелком зависла. Братец чуть присел, одновременно медленно и воровато разворачиваясь. Такое лицо у него было, когда он, не дожидаясь поезда, блеванул при дверях на станции закрытого типа. Немой призыв к терпимости, не лишенный угрозы.

Сестра таланта - вернее, братец - уложил пухлый учебник в коротенькое слово, и то недописанное. Нельзя было дописывать. Рано. Рассвет еле брезжил.

Времена года

Чередование времен года как явление не лишено печали. Весна наступит, лето, но радость какая-то не окончательная. Потому что знаешь, что дальше будет. И люди, обживаясь в этих временах, перенимают у них некоторые свойства. Например, способность иметь приметы.

У всякого времени года свои приметы: грачи прилетели, соловей запел, картошка гниет, кот морду прячет, пришла беда - отворяй ворота, и так далее. А у людей - другие приметы: депрессия, например, обостряется; осенью - это понятно, а весной - от дурного предчувствия новой осени.

У нас в больнице работал один доктор с депрессией. Он хороший был, тихий, но депрессия у него была настоящая, а не просто там какое-нибудь настроение плохое. Имел, короче говоря, подтвержденный диагноз. Его за это никто, конечно, не гнал. Потому что может ведь ходить на работу? Может. Ну и пусть ходит. Вот я иногда не мог ходить на работу, так это было непростительное заболевание, хотя и повальное-эпидемическое.

И этот доктор, одинокий человек, обрастал приметами. По его приметам, правда, не удавалось определить время года, но я ведь о самом факте говорю. Зато удавалось определить, дежурит он сегодня ночь или нет. Если он шел на работу с мешочком, то без вопросов: дежурит. Это была аксиома.

Потому что в мешочке что? Покушать. Кто ж ему позволит нормально вечером. Суп в баночке и что-то еще. Он один жил.

Увидишь его - и вздохнешь облегченно, как будто на безоблачный закат посмотрел. Ясный день гарантирован. Никто тебя не дернет и не вынудит подменить. И так круглый год. Без смены времен.

Активное выявление

Есть одна специальность с очень удачным названием: лечащий патологоанатом. Не ограничивается микроскопом.

Нашего я очень хорошо помню: как он ходил по отделениям, встревоженный чем-то и с разинутым ртом, в халате, рука об руку с каким-нибудь доктором. Больные вежливо здоровались, не зная, кто перед ними. А он смотрел пустыми очками, но видел все. Подмечал.

Это называется вот как: Активное Выявление. Означает, что доктор не сидит и не ждет, когда к нему притащится кляча, а сам отправляется по всем десяти этажам выискивать клячу, которая еще и не знает, что кляча, но догадывается.

Мне такое тоже пытались вменить в обязанность. Не тут-то было. Для меня стало приятной неожиданностью, что и на прозекторов этот приказ распространяется. И сгорают такие люди на службе, как всякие другие.

Один, например, сильно маньячит. Дом, где он живет, как раз окучивает Скорая Помощь моего приятеля. Ночью поступает вызов.

Клиент скачет, весь психически возбужденный:

- Я такой клинический случай знаю!

- Да на хер твой случай в три часа ночи.

Отдушина

Скорая Помощь явилась по случаю передозировки неустановленного наркотического вещества. Глава семейства, приличный субъект средних лет, решил разделаться с простительным стрессом. Хотя бы на время. Дело понятное, тяжкое: старик его захворал, положение аховое. Надо расслабиться, успокоиться.

Сам он ничем таким ужасным не увлекался, зато водился с одним увлеченным товарищем. Увлеченный товарищ слил ему якобы какой-то мутный герыч. Глава семейства ширнулся будто бы герычем и отправился путешествовать по вселенной. Ему стало по необузданному кайфу. И дышать-то забыл, как правильно, а потом и сам принцип забыл.

Скорая Помощь его разбудила. Человек проснулся в полном восторге, лежит, пускает слюну. Вокруг все чистенько, уютненько. Квартирка опрятная. Не какой-нибудь гоблинарий. Настолько все мирно и тихо, что даже доктор согрелся душой от умиления.

Дочка лет двенадцати тут же трется. Спрашивает:

- А сколько, сколько надо героина, чтобы было, как у папы?

Электрокаргеограмма

Приехал тесть.

Тесть хитрый: ему надо в суд, а он хочет показать судье бумагу, в которой сказано, что он, тесть, сильно больной человек. Ну, возникла такая надобность. Долго объяснять. Бумагу такую тестю выдали, на Фабрике Здоровья. И даже не одну, да он их порастерял где-то, и сохранился только сердечный график компьютерной выделки.

Я, разумеется, не при делах: давно отошел от сердец и мозгов. Кто их знает, какие у них теперь графики. Машин много, одна умнее другой.

Вот приносит мне тесть график своего озабоченного сердца. Я беру и начинаю презрительно вникать.

- Хрень какая, - говорю. - Не проканает этот документ. Где дата?

- Га! - мрачнеет тесть.

- Где нумер исследования?..

- Га! - тесть чернее тучи.

- Че это такое, че это такое, - я пристально всматриваюсь в график. - Что у них за компутер, почему по-французски пишет? Что это за обследование?...

Какие-то кривые, ось абсцисс, ось ординат. Годы, начиная с 1950-го. Сложная работа желудочков и предсердий. Сверху - клякса.

Ультразвуковая, думаю, картина. Камеры надорванного сердца. Заштрихованы черным для ясности.

Смотрю выше. Внимательно изучаю надпись. "Население Франции".

Это Ирки моей, жены, бумажка была, для французского урока. А клякса - сама Франция.

Надо, говорю, обязательно сходить с этим в суд. Присяжные грянут: больны!... все! повинны в инвалидности. Достойны пенсии и алиментов

Fool-proof

Боевое санитарное просвещение бесполезно.

Не нужно книжек с названиями вроде "Как родить здорового ребенка". Журнал "Здоровье" можно закрыть. С "Работницей" заодно. Потому что нету субстрата воздействия.

Одна особа, двадцати пяти лет, на сносях, обеспокоенно спросила у доктора:

- Я все-таки не понимаю: ребенок - он где, в матке находится? Или сидит на ней верхом?

По этому поводу старики говорят: ну что, ну куда, ну о чем говорить, Ленина не знает.

Природа мудра, страхуется. Все равно родит.

Fool-proof-2

Вот еще немного про мудрую природу.

Учился с нами некий Серёня. Про него уже было, так что без подробностей. Большой и могучий, а челюсть еще больше. И как-то однажды произошла у нас оперативная хирургия.

Доктор взялся рассказывать про блуждающий нерв. Это, если кто не знает, очень примечательный нерв с печальной судьбой: он начинается в черепе, а заканчивается на слепой кишке. Так и выходит из бошки в свое последнее и скорбное путешествие. Оплетает пищевод, прихватывает сердце, и так далее. Сидел бы себе в домашнем черепе, на гипоталамической печи, и оставался при умных мыслях. А так пошел иван-дурак правду искать. Вот и нашел.

И доктор, описывая его ход в шее, втолковывает:

- Видели, наверное, в кино? Когда вот так - (показывает) - бьют человека ребром ладони по шее. Слева или справа. И тот сразу бряк! выключается. Так это его по блуждающему нерву бьют.

Идет же этот нерв, что важно, с двух сторон. Его два, правый и левый.

Серёня недоверчиво скривился:

- Второй-то пашет!...

Жена декабриста

Я одну такую знал.

Супруга моего доброго коллеги, мы с ним в загородной больнице работали. Может быть, сатрапы понесли эту больницу если не в саму Сибирь, то хотя бы на 101-й километр, но по пути уронили и оставили, где есть. За что туда попал мой коллега, я не знаю. Конечно, он был язвительный и вольнодумный человек, писал какие-то вирши, нес прекрасную чушь. Да вот на площадь он, проживая в спальном районе, ни за что не пошел бы. И не затеял бы застрелить там кавалерийского генерала. Он и видит-то плохо, даже в очках ходит.

Так что если Василий Ливанов и сослал его, то сделал это, будучи в роли не царя Николая Первого, а даже не знаю, кого - громозеки там или удава из мультфильма про мартышку.

Коллега мой, спокойный и рассудительный, на судьбу не роптал, и только посмеивался, глядя по сторонам на моих героев-персонажей. И жена была с ним. Она работала в той же больнице. Они вместе ездили на работу поездом. И вместе уезжали. Она добровольно выбрала себе такую судьбу. И ему. Потому что, по-моему, познакомились они, когда она уже работала в больнице, а он еще только туда сослался.

Так что она не в окончательном смысле за ним последовала, скорее - он за ней. Потому что муж - голова, а жена - шея, хотя шеи у нее почти не было, ибо стерлась в связи с ориентированием мужа. Но вела она себя совершенно самоотверженно.

Он, мой добрый товарищ, ночами дежурил, а она не дежурила. И вот она оставалась с ним ночевать. Отказывалась уезжать домой. Ложилась в его кабинете на израненный кожаный диванчик с цыпками. Спала, одеялком укрывшись, ветошку подложив; видела неуютные сны. А он отправлялся в приемный покой.

Она страшно боялась, что он на дежурстве, в свободное время, кого-нибудь из больницы трахнет.

И караулила. Как тень, ходила за ним, и даже лежать хотела тенью. Не думая о том, что кабинетов в больнице много. А местные поселянки - они ого-го.

Он, впрочем, не такой уж был мятежный гусар, чтобы за ним следить. Повторю за классиками: не делал из еды культа. Ну, если случалось что, относился философски. Пока она спала на диванчике.

Короче говоря, не обещайте деве юной любови вечной на земле. Во первых, не такая уж она была дева. Во-вторых, совсем

не юная. А то, что на земле ничего вечного не бывает, Декабрист знал давно, насмотревшись бомжей в хирургической реанимации.

Хорошее

Можно ведь и о хорошем в медицине написать, правда? Положительное что-нибудь.

Как-то однажды сошлись мы в пивном баре "Кирпич": мой однокурсник Дима, моя однокурсница Лара, я и еще один тип, друг моего счастливого детства. Мы прогуливали лекцию. Дело было курсе на третьем.

Купили водки и поехали ко мне в гости.

Там однокурсник Дима разделся голым до пояса и плясал, высоко подбрасывая прямые ноги. Друг детства снял платье с Лары, надел его и разгуливал по коммунальному коридору. Направляясь в сортир, задирал это платье заранее, чтобы удобно стало.

Мы с Димой взяли его и уложили на Лару, которая захрипела и не позволила ему лежать.

Потом моих гостей стошнило ковровой бомбардировкой, и они накрыли все вокруг, работая в веерном режиме. Посмеявшись и не прибравшись, мы пошли гулять, и Лара жаловалась, что в ней забыли гондон - а может, это в какой-то другой раз было, не помню.

Пришла моя матушка домой и сразу села. И доклады слушает, с которыми соседи выстроились.

Я это рассказываю к тому, что Дима вырос и сделался гинекологом. И поступил на работу как раз к моей матушке, под крыло.

- Знаешь, - говорит она мне, - а Дима-то такой, с тобой учился - он у меня!

- Да? - воскликнул я. - Это же он тогда...

В общем, проговорился. "Нормально, - приговаривала мама, поджав губы. - Нормально".

И сделала из Димы очень хорошего доктора. Настолько хорошего, что к нему даже попала рожать моя жена, и у Димы развилось нечто вроде предынфарктного состояния. Он побелел и покрылся испариной. Это был тот случай, когда сапер мог ошибиться только однажды. Не ошибся.

А нашим отличникам и активистам, которые в "Кирпич" не ходили и лекции не прогуливали, я бы черта с два доверился. Сволочь на сволочи. Без примеси обязательного и спасительного свинства.

Совсем скотам, правда, тоже бы не доверился. Например, той же Ларе-шалаве. Женщина себя блюсти должна, да. И другу детства, пожалуй, потому что он вообще не на доктора учился.

Буриме и клиническое мышление

Балду, конечно, знают все. Если кто забыл, то играют так: рисуют квадрат на листочке в клеточку, вписывают слово, а потом от него производят новые, по одной букве за раз. У кого слово длиннее, тот и молодец.

Слова мы писали самые разные. Но начинали с безобидных. Чем невиннее основа, тем интереснее брать от нее функцию. Когда мы с товарищем произвели себя в гроссмейстеры, нам показалось, будто мы одолеем кого угодно. И мы вовлекли в игру простонародного Серёню, которому тоже было скучно слушать про хирургию. Решили, что сделаем его в два счета. И нецензурная гадость стала множиться в геометрической прогрессии. Или по экспоненте, я в этом не разбираюсь.

Сначала у нас вышел маленький клинический спор по поводу слова "Распил". Серёня его вписал, а я возмущался и говорил, что глаголы писать нельзя. Потом Серёня соорудил слово "Кусатик".

- Что за Кусатик? - кричали мы, заглушая лектора.

- Кусатик, - отвечал Серёня мурлыкающим тоном. Блаженно.

Мы почесали в затылках и подумали, что Серёня, наверное, большой знаток ближнего и дальнего интимного космоса. А потому осведомлен в изощренных любовных играх, которые даже имеют собственную терминологию. Нам, зеленоротым, не знакомую.

Стоило простить Кусатика, как Серёня осмелел. Он состроил слово "Уткоблядь". Внятных объяснений мы не получили, махнули рукой и сказали: ладно. Раз так, мы тоже развяжем себе руки. После сложных многоходовых комбинаций у нас родилось очень длинное для Балды слово: "Пиздокифоз". Кифоз это изгиб такой, в позвоночнике.

Мы не сомневались в победе.

Серёня посовещался с себе подобными, поколдовал и убил нас. Он предъявил нам слово "Пиздосуковоз". Оно хорошо вписывалось в его философию метафизики и диалектики. Я не сомневаюсь, что Серёня искренне верил в существование такой машины. И даже видел ее не раз наяву. И сидел за рулем. Когда был не в кузове.

Человек с такими способностями мог сделать хорошую хирургическую карьеру, не говоря уже о Скорой Помощи. Но он не слушал лекцию, и все его клиническое мышление пропало зря. После четвертого курса медицина избавилась от Серёни и не оправилась от потери.

Абсолютный кошмар

Медициню помаленьку.

Может быть, кто-то помнит, как я рассказывал про страшную таблетку Цифран?

У этой антимикробной таблетки в побочном послужном списке значатся ночные кошмары и галлюцинации. Сам я ее никогда, конечно, не ел, а жене дал однажды, когда с ней что-то непонятное случилось, и ей потом все снились кошмары про еду. Она у меня вечно в кафе и магазинах попадает в какие-то пищевые истории.

"А чего это, - спрашивает, - мне все ужасы снятся?"

"А вот, - говорю, - таблетка".

Вдруг приехал к нам тесть из деревни. И сильно простудился. Не помогли даже теплые женские колготки, которые он носит. Или есть такие мужские? И вообще. Ничего личного, как говорится, но мне захотелось, чтобы он поскорее уехал. Тут-то я и подумал: "О! Дам-ка я ему таблетку и посмотрю, что будет".

С пищей у него отношения грубые: если щи, так нужно, чтобы ложка стояла, да бараний бок с кашей, да каша под боком... И я дал ему: нате, вот, выпейте.

А утром от волнения подрагиваю: интересуюсь его сновидениями.

Крепкий человек. Нет, кошмаров не запомнил.

Потом уточнил:

- Ну снилось так, текущее, текущее...

Кинофорум

Заведующая нашим отделением умела удивить.

Многие уже читали, что я про нее написал, так что имеют представление.

У нее была внешность первого президента России. И столь же авторитарные наклонности. И еще у нее была олигофрения, которой все-таки не было у первого президента. На эту врожденную олигофрению, словно спиртное по ножу, аккуратно наслаивался возрастной маразм. Получался красивый коктейль, играли краски. Посмотришь под одним углом - вроде, олигофрения. А при другом освещении - вроде и маразм. Пока кто-то не встряхнул стакан, так что пришлось ее проводить по уму.

Пожилая была.

Заведующая отделением воспитала себе одну докторшу, с которой мне и пришлось вместе работать, столом к столу. Та начала работать медсестрой, но заведующая отделением вцепилась в нее и послала учиться на доктора, а после сделала чудовищную вещь: взяла обратно, в то же отделение, к тем же сестрам, но уже этим самым доктором, то есть фигурой офицерской и ненавистной. Сколько же было драм! Ну, не буду.

Эта докторша растила мальчика-сына, одна. Замучила его, искала и находила в нем болезни. Совсем была психованная. Каждое утро золотопогонница выпаливала мне информацию: про то, как они в цирк ходили, и сынок говорил, будто слон не настоящий, без бивней ("А я ему: сынок! Может, это слониха? Ты яйца-то, яйца видел?"); то про фильм по Стивену Кингу под названием "Лангольеры", которого он испугался ("Спрашивает меня: мама, а разве хорошо показывать, как землю вот так едят, а?"); то жаловалась на одноклассников, которые его в школе зовут чуркой и еще определение добавляют, не везде печатное.

Тут, прислушавшись, кадры решили решать все.

- Я могу прийти посидеть, - пожевала губами заведующая.

Я мгновенно представил, как она придет в класс, не замечая разницы между классом и отделением с веселыми и не очень веселыми, но все равно поддатыми инвалидами. И не понимая разницы. И села бы там на задней парте по праву заведующей.

Эта должность виделась ей универсальной. Знаете, как она звонила по 09? Не помню, было ли у меня.

Снимает трубку, набирает 09. Говорит: "Здравствуйте. Я заведующая неврологическим отделением, врач высшей категории имярек. Мне нужно..."

- Не надо, не надо, - испуганно замахала руками докторша.

Заведующая, по-бандитски вертя ключом на цепочке, быстро вышла за дверь.

В другой раз снова посыпались какие-то школьные жалобы.

- А я к ним приду и скажу, - рассердилась заведующая, почувствовав, что творится какая-то неправда.

- Вас там еще не хватало, - грубо сказала доктор.

У них с заведующей были особенные отношения. Назовут друг дружку поганками, и хорошо.

- Падла, - всхрапнула заведующая.

В третий раз, помню, докторша стала жаловаться нам с урологом на очередной фильм, который крутили накануне. Заведующая стояла в сторонке и вращала ключ.

- Стреляют! Убивают! Все взрывается! Нужно это детям показывать? Забыла, как называется...

- "Захват -два", - сказала заведующая с торжеством.

Сектор "Приз"

Другим писателям тоже есть, что рассказать про Скорую Помощь.

Это здорово. Иначе образуется кучка монополистов, метящих в олигархи. Только эти другие ленятся, сами не пишут. Пекутся о бисере, не думая о здоровой пище.

Вот, например, приходит ко мне писатель Клубков и радует.

Была у него старая не то тетушка, не то бабушка, совершенно дряхлая. Ясное дело, померла.

Приехала Скорая Помощь с доктором. И доктор, беседуя при мертвом теле, проявляет мудрость и рассудительность.

- Это ничего, это все правильно и хорошо. А то приедешь к умершему, родственники налетают, плачут, вопят: заберите его! заберите! Переворачиваешь его на живот, а в спине - нож!

Начало

Это было короткое и трогательное время. И не первое, конечно, начало. Начал было много, и это - простите за избитую шутку - скорее, стало кончалом, но вспомнить всегда приятно. Вечная память.

Когда я обеими ногами наступил в полномочие при моей последней больнице, я там ничего и никого не знал.

Решили дать мне поводыря. Точнее, проводника, и назначили Вергилием одного опытного доктора.

Он немного поводил меня по низам. Потом мы с ним подружились, но тогда осторожно присматривались друг к другу. Он-то знал, что в больнице работает много непоправимых маргиналов; опасался, что прибыл еще один - и не ошибся. Отвечал сдержанно. А я хотел показать себя с грамотной стороны. Задавал ему умные вопросы: а есть у вас это? а есть у вас то? а где тут пунктируют?

"Да здесь", - обводил он рукой.

(Кстати сказать, свою первую пункцию я исполнил там прямо на полу в приемнике, не снимая зимних сапог).

Походили мы так, в первом этаже освоились. Мне пора было наверх.

"Дальше мне пока нельзя", - сказал мой Вергилий.

Он дежурил. И поплелся назад, в Приемное Аидделение. А я начал возноситься в лифте. Меня ждала Беатриче. И не одна.

Производственная гимнастика

Врач, конечно, обязан умирать с каждым больным. Но он не обязан разделять его (или ее, как пишут в современной литературе) чувства при осмотре, скажем, влагалища. Особенно если врач мужского пола.

И во многих других случаях сочувствуешь, но не вполне сопереживаешь.

Но некоторые воспринимают так остро, что вынуждены гасить остроту разными жестами и словами.

Один, например, дублировал рассказ больной, жестикулируя на манер диктора для глухонемых. Так, чтобы сама больная не видела.

Та сидит, историю болезни рассказывает. Про кольца, которые ей ставили для укрепления внутреннего гинекологического строения и невыпадения органов.

- На кольца ходила, да, - вспоминает. - На кольца.

Рассказывает об этом доктору, который за столом.

А другой доктор стоит у нее за спиной. Брови насупил и руками активно работает, подтягиваясь на воображаемых гимнастических кольцах.

Иначе не выжить, граждане моралисты. Производственная гимнастика.

Узловатая память

Некоторые больничные помещения специально выделены для отправления функций, до которых обывательское мышление никогда не додумается. Я не стану, конечно, перечислять их все: плазмаферез, допплерография, и так далее. Это непонятно. Психотерапевтический зал для общения с космическим сознанием - тоже диковина, хотя и не такая редкая.

Я о другом. Вот где еще найдешь такую конурку, на которой табличка: Узельная?

И делают там вовсе не УЗИ. И даже не приборы для УЗИ. Там делают что-то такое, в чем я не до конца разобрался. Там - Узлы. Бельевые и не только, по-моему. И среди них - что особенно страшно - кипит какая-то работа.

Спросишь сестру-хозяйку, а тебе отвечают: она в Узельной!

Идешь в Узельную и видишь - правда: вот же она, не соврали, распаренная вся от трудов, кубышечной формы и роста; сама, как узел. Глаза горят, запыхалась, а вокруг - узлы, узлы.

Чем занималась?

Сортировала? По какому принципу?

Считала?

Пинала?

Шшшупала?

Смотрела на свет?

Вязала на память?

Смотрела на свет, я уверен. В итоге - полная осведомленность в дневных и ночных делах. Плюс домыслено кое-что.

И вязала на память, каждый день. Бельевые узлы. Идет и вдруг улыбнется.

Аппетит приходит во время еды

Есть такие кисты. Между прочим, презанятные штуки. То есть болеть ими, конечно, нисколько не интересно - болят, рвутся, перекручиваются, и так далее. Интересно внутри.

Маменька моя, гинеколог, вырезала не одну такую, и не десять, а очень много. Все больше кисты яичников. Или яиШников, как выражалась наша лекторша, за что мы ее с удовольствием звали ЯиШницей и ЯиШней, и даже рисовали приготовление таких яиШниц, и поедание их, но это уже другой разговор.

Так вот: внутри кисты часто находятся всякие вещи, странные тем, что они, хоть и совсем обычные, расположились не по адресу. Располовинят ее, а там - клок волос, или косточка, или зубы. Зубы очень часто попадаются. Все это происходит потому, что в кисте сохранилась эмбриональная ткань, из которой этим зубам, да волосам расти бы и расти, жить и жить. Светлые горизонты состоявшегося бытия, наполеоновские планы. Но извольте: облом. Не привелось. Довольствуйтесь малой родиной в малом тазу.

А внешне по даме и незаметно, что там у нее чего-то не выросло.

Однажды в такой кисте даже маленькую лопатку нашли. И это при том, что у хозяйки уже две были, положенные по людской разнарядке. Чья же третья? Загадка.

Как-то раз маменька после кровавого дежурства выходит на кухню, а там соседка наша переваливается утицей, Мария Васильевна, добрая бабулька, покойная. Тряпкой помахивает.

И маменька ей, сооружая завтрак, рассказывает: вот, дескать, Мария Васильевна, что бывает! Разрезали в животе кисту, а там - зубы! волосы! кости!

Мария Васильевна мгновенно согласилась:

- А что - так и проглотила!

Обогревательный контур

Новых наших капиталистов чуточку поскрести, пошкурить - и обнаружится свой человек. И корни обнажатся, и годовые кольца.

Мне кажется, что если наш олигарх угодит в общую камеру, он очень быстро, генетическим задним умом вспомнит, как положено входить в хату, как обращаться к Смотрящему и к которой шконке рулить. Шкандыбать к ней на полусогнутых.

Несколько лет назад лежал у нас один богатый человек. Ну, назовем его новым русским, хотя это уже надоело. Специально для него уютную ординаторскую с частным туалетом переделали в отдельную палату. И он там замечательно поселился. И достался он, разумеется, мне.

Захожу я однажды к этому оккупанту и слышу, как в докторском нашем сортире расточительно журчит вода. Первый порыв какой? Рачительно-хозяйственный: войти и завернуть кран. Государственное мышление. Сознательность.

- Не выключайте, не выключайте! - закричал капиталист, быстро садясь в постели.

- Но почему?

Он объяснил мне. Улыбка у него при этом была чертовски хитрая, он просто лучился, довольный своей находчивостью, унаследованной от предков.

Оказывается, если пустить в сортирном умывальнике горячую воду, то труба, которая тянется через ординаторскую, начинает нагреваться. И тогда - да, тогда уже наконец можно сушить на ней носки.

Лепрозорий

Когда-то в Разливе стоял Лепрозорий.

Мое болезненное восприятие усматривало в нем символ, ибо он вырастал за окном как раз на подъезде к моей нестерпимой больнице. Он означал для меня некий водораздел. Окончание хорошего и начало нехорошего.

Это было мрачное здание, чуть скрытое редким лесом. Полуразвалившееся, в пять или шесть этажей безнадежного бежевого цвета. Немного готическое, с безрукими и безносыми привидениями. Ночные завывания: "На укол!" Окна зияют, проступает деревянный скелет.

Лепрозорий процветал, если я правильно разбираюсь, до наступления социалистической революции.

Потом, вероятно, в нем отпала надобность. Постояльцы либо естественным образом вымерли, либо разбрелись по народному строительству. Почему бы и нет? В эпоху всеобщего равенства неуместно гнушаться товарищами прокаженными.

Новая власть, мудро заботясь о населении, устроила в осиротевшем здании действительно нужную вещь: роддом. Потом его почему-то закрыли. Растоптали славное начинание. Нашли в земле какие-то неполадки в виде мужественных семян проказы. Они там, оказалось, спали. Они специально задуманы, чтобы переживать революцию и укрепление справедливости.

Наверное, это все неправда, я это с чужих слов передаю. И со своих глаз.

Может быть, на самом деле, именно там, а вовсе не в разливном шалаше, прятался Ленин. А шалаш сделали фикцией для романтической легенды. Я не знаю. Зато знаю точно, что Лепрозорий замечательно подошел Невзорову на съемках фильма про Чистилище. Его превратили в террористическую чеченскую больницу и долго взрывали, да бомбили, но прежний упадок был столь велик, что боевые действия нисколько на Лепрозории не отразились. Странно, что я не слышал, сидя в своей ординаторской, ни канонады, ни танковых залпов. Равнодушие - вот причина. Так всегда и бывает: идет война, она уж под боком, а ты сидишь себе и не дуешь в ус.

Я давно там не был. Может быть, Лепрозорий отремонтировали? И сделали, наконец, баню. Или, допустим, ясли. Или нет, вот же: Даун-Хаус! По телевизору постоянно показывают рекламу: строительство Даун-Хаусов в Разливе. А я-то гадал - где это будет? Места-то знакомые! Великолепная мысль.

Даун-Хаусы и целые Даун-Тауны. Но я бы пошел дальше. Я бы

построил там филиал морской резиденции Президента. Море близко, Константиновского дворца - мало. Стоит резиденция, а вокруг - Даун-Хаусы.

Противостояние

Жадность, по-моему, вполне уважаемое и естественное чувство. Оно свидетельствует о любви к жизни, о желании вцепиться в эту жизнь и не разжимать челюстей. В ту, какая есть, потому что с другой будем разбираться в другое время и в другом месте.

Вот был у меня, например, очень жадный начальник по фамилии Раппопорт, я о нем немного уже писал. Зубной техник в Сестрорецком курорте, под финансовым началом которого я слегка позаведовал нервным отделением.

Старый, но крепкий, отчаянный жизнелюб. Неисчерпаемая энергия. Зажимал наши денежки, прокручивал в банках, хотя и денежки-то были несерьезные. Помню, как он возмущался, когда вышел указ приобрести кассовый аппарат. А иначе - расстрел.

- Мне этот аппарат нужен, как зайцу триппер! - орал седой Раппопорт. - Я и с аппаратом обману, если мне надо будет! Не беспокойтесь

!Но вот однажды он нарвался на себе подобного. Этот ему подобный равный положил в наше отделение свою безнадежную дочку, подлечиться. И деньги не перевел. Неделю не перевел, вторую не перевел. Четвертую неделю бабло не перевел. Раппопорт ездил к нему на городскую квартиру, скакал под окнами первого этажа, выкрикивал кредитную серенаду. Тишина.

И вдруг они каким-то чудом пересеклись у Раппопорта в кабинетике. Минуточку... Минуточку... Да это же директор местного кладбища! старый знакомец! тот еще проходимец!

- Ты?!...

- Да я тебя...

Да смеяться ли или плакать?...

И стали наскакивать друг на дружку, задыхаясь и отдуваясь. Сошлись два начала: жизнь в лице больничного отделения и смерть в лице погоста. Короче говоря, кладбище победило. Повелитель теней не заплатил.

И в этом мудрость, потому что мертвое всегда побеждает живое, и пусть это живое упорствует и возрождается в виде листиков и бутонов, но потом оно обязательно накроется, как и все, сразу и мгновенно, со всеми звездами, созвездиями и планетами. И нужен какой-нибудь хитрый финт, чтобы объегорить всю эту систему. Нам этот финт туманно пообещали, так что осталось ждать, когда из длинной похоронной машины выйдет бог в бобровой шапке и все устроит.

А иначе жди, когда переведут эти бабки.

Киса

Маменька рассказала, как ней в женскую консультацию при роддоме регулярно приходит киса, рожать.

Кисе выделили коробочку, и все хорошо, чистенько. За каждым детенышем рождается послед, который киса сразу аккуратно съедает.

- Не то, что у людей, - проговорилась маменька.

Действительно: привезли одну, а у нее ноги от грязи, будто в валенках.

"Как же так?"

"Я не знала, что сегодня поеду рожать".

Где ты была сегодня, киска? У королевы у английской.

Не на что посмотреть, кроме мышки. Действительно.

Таракан

Палата. Обход. Бабулька: лежит, сияет.

- Ко мне, лапушка, тараканчик заполз, маленький такой премаленький таракашечка; все ползал, ползал; я вот его, доктор, в спичечную коробочку положила, спрятала, вот он, в платочке завязан, сейчас-сейчас...

- Подождите, бабушка, подождите; к вам еще один доктор придет, ему покажите.

(Опасения: не обидеть бы!)

На следующий день:

- Лапушка ты мой, доктор, вот спасибо тебе, такого доктора мне прислал; он такой добрый, все внимательно выслушал, посмотрел, поговорил со мной...

- Ну, бабушка, теперь к тебе этот доктор будет часто ходить.

Обман, как ни грустно; больше не приходил. Запись, которую не могу не повторить, хотя она уже где-то звучала: "Паранойяльный синдром малого размаха".

Ядро

Был у нас на курсе один пламенный юноша. Напились мы с ним как-то до редких чертей; он приступил ко мне, взял за пуговицу и, качаясь, начал вербовать:

- Приходи в наше СНО! (Он ходил в психиатрическое СНО). Мы... мы создадим психиатрическое ядро... узкий круг знающих людей!... Установим диктатуру!... Мы заберем власть.

Но, насколько я знаю, ему так и не удалось сковырнуть пациентов с трона.

Осталось напевать: как молоды мы были. Первый тайм мы уже отыграли.

Качок

Не все больные запоминаются. Не приведи господь. Но некоторые запоминаются очень неплохо. Из ада, набитого под завязку, вдруг высовывается искаженное лицо.

Однажды, когда я еще трудился в поликлинике города Петергофа, мне принесли толстую карточку и приказали ехать к ее прототипу на дом. Все, кто видел эту карточку у меня в руках, качали головами и повторяли:

- Ой! Ой!

- У него болезнь Бехтерева, - объяснили мне коллеги.

Болезнь Бехтерева - пренеприятная вещь. Хребет костенеет вместе со всеми связками и дисками. На снимке он похож на бамбук. Все это дело, конечно, страшно болит и не лечится.

- Его уже все знают, - объяснения продолжились. - Все разводят руками. Он уже везде лежал. А теперь вызывает на дом. Нарочно качается на своем горбу, как на качалке, вот увидите.

Я, человек подневольный, поехал. Мне открыл старичок. Он сразу начал махать руками и едко жаловаться. Я кивал и не видел возможности его утешить. Дедуля тем временем, сверкая очками, вел дело к торжественной развязке, своему коронному номеру.

- Вот посмотрите, посмотрите! - закричал он.

Подбежал к столу, сорвал с него скатерть, привычно лег на горб и стал качаться, как игрушечная лошадь. В седой щетине застыла улыбка. Остановившиеся глаза уставились в потолок.

Я никак не мог понять, шутит ли он или не шутит.

Он хотел произвести на меня впечатление, разбудить в медицине совесть - а может быть, в Боге, но увлекся и качался уже от души. Он приспособился к жизни, и стало не так уж и больно. Экзистенция трансформировалась в адекватный ее содержанию перформанс.

Кроме шуток - я считаю, что это мужественное и гордое решение, даром что бессознательное. Я вовсе не хочу оскорбить память о старичке, но если бы Квазимодо не истекал слюной по недоступным цыганкам, а покачивался себе на хребте, довольствуясь тем, что есть, то помер бы в мире и даже с кукишем в кармане.

Смотрю я вокруг, не забывая про зеркало, и думаю, что это многим хордовым намек. Всем, если подумать.

Нос Страдамус

Можно порассказать и о себе, как я болел, а то все о других, а доктора тоже люди. Так сказал мой знакомый терапевт, когда его на вызове упрекнули в перегаре.

Дело давнее: лежал я в одном хитроумном отделении, где двери запирают вагонным ключом.

Ну, я не просто так лежал. Я придумал себе одну хитрую болезнь, чтобы кое-куда не ехать. Поэтому, по причине придуманности болезни, меня быстренько выпускали. Я приходил с утра, меня запирали, осматривали и совершали вокруг меня обход, а потом я уходил.

Вокруг меня шлялись всякие личности. Одного я хорошо запомнил, он был без лба. Не знаю, чем это лечат. Там разные шлялись: заячья губа, волчья пасть, конская стопа - полный комплект.

Однажды обход задержался, и меня хотели привлечь к обязательному труду. Я лежал и читал книжку, но санитарка велел мне вставать и отправляться плести сетки. Или клеить коробки.

Я спрятался от нее в сортире и там беспомощно негодовал.

Перед выпиской со мной случилась настоящая травма. Как назло, точнехонько накануне мой знакомый поэт навсегда уезжал за рубеж. Я побывал на отвальной, упал и разбил себе, разумеется, нос, которому всегда достается страдать.

Беседка с выездом для кибитки

Иногда у меня возникала блажь преобразиться в провинциального Ионыча. Или в спивающегося деревенского доктора Астрова.

Позвали за доктором, он загрузился в кибиточку, поскакал. Кругом непогода, вьюга, гроза. Или, наоборот, сонные сумерки, сенокос удался, коровы мычат, туман ползет, пыль клубится.

Приехал в имение, помыл руки. Поосязал барина, почмокал ртом, назначил пиявок и отвар из лопуха. Тут тебе дородная евдокия выносит на подносе пирог и большую рюмку водки.

- Оставайтесь, доктор, с нами обедать, - предлагают гоголевские хозяева, а дочка у них вся тургеневская и краснеет. Потому что за дверью страдает разночинный учитель музыки с патлами, которому в петрашевцы уже поздно, а в РСДРП еще рано.

И водится там дальняя родственница, вечная приживалка и компаньонка, тоже краснеет, но она уже умудренная жизнью, ее-то нам и надо. Если не в спутницы жизни, то хотя бы в поводы к тоскливому запою от неразделенной любви.

Роса, беседка, сверчки, бесперспективный чеховский диалог.

Правда, Михаил Афанасьевич писал чего-то про мялку, в которую попала нога, и эту ногу пришлось отрезать. И еще про солдатский зуб, который драть. И роды всякие - нет, этому я не обучен. Никакого распределения ответственности по десяти отделениям.

К тому же мои глупые грезы отчасти сбылись. Я лечил не только городское, но и сельское население.

Ходил в областной кардиодиспансер и консультировал там пригородную публику. С нею приходилось тяжко.

Однажды я напоролся на одного деятеля, которого незадолго до того выписал из своей больницы - и нате, он уже здесь. Тот насупился, опасаясь, что я всем расскажу, что он там вытворял и как себя вел, но я не стал портить людям сюрприз, сами увидят. Бог с ним, он городской был.

С деревенскими бывало так:

- И когда же вы заболели?

- А когда сарай горел.

- А когда сарай горел?

- Да как соседи сгорели.

Ну ее, деревню, красным поясом перепоясанную.

Женский батальон

Когда реальность заканчивается, начинаешь обращаться к чужому творчеству, которое тоже реальность. Строишь на нем что-то свое. Это и есть постмодернизм.

Собрался я написать какую-нибудь медицинскую историю - и ничего не могу вспомнить. С горя стал смотреть фильм "Свадьба в Малиновке", к которому и раньше относился подозрительно, а нынче он показался просто отвратительным, с его-то гороховыми плясками. И вдруг, глядя на Пуговкина с его предколхозным стадом, припомнил, что у меня тоже наберется своего рода Женский Батальон.

Я, конечно, говорю о медсестрах. За три года работы в петергофской поликлинике у меня их сменилось пять.

Без сестры работать очень хорошо, потому что за нее доплачивают. Мне хотелось, чтобы доплачивали за сестру, за выезд на дом, за оттискивание печати, за роспись, за раскрывание рта, за появление на работе. И вообще, одному быть - здорово.

С сестрой работать тоже очень хорошо. Потому что одному быть - плохо. А тут можно поговорить. Сестра пишет рецепты, выгоняет больных, проветривает кабинет. Чудеса.

Поименно я запомнил только двух.

Первую звали Надя, она была моя ровесница, настоящий ас. Настолько опытная, что часто болела, все болезни знала. Поэтому мне дали другую, когда устали платить за больную Надю.

Вторую звали Лена. Юная и тургеневская. Я любил ее веселить, смешить; однажды чуть не переборщил: клиенты уже начали о чем-то догадываться, стали коситься. И она смеется: с вами, дескать, как в цирке. Никакой субординации. Как-то раз она вдруг сняла телефонную трубку и в течение часа делилась с какой-то дурой своими бедами: кто-то не отдал ей какие-то Вещи. Вещи, вещи, вещи - это слово, произнесенное оскорбленным тоном, повторилось в моих ушах раз пятьсот. И я понял, что она совсем не тургеневская, а зощенковская. Слава богу, вышла замуж и отправилась в декрет.

Третью как-то там звали. Молодая, угрюмая, слова не вытянешь. Ленивая, медлительная, страшная. Наступил день, когда у нее заболела спина, и она стала у меня лечиться. Я полистал ее карточку, с изумлением прочитал всю историю ее трихомонады, от корки до корки. Вылечил спину и пошел к начмеду отказываться от помощницы.

Четвертая была самая лучшая: бабушка, лет семидесяти. Работящая, тихая, домашняя, с пирожками для доктора. Вот бы

кого запомнить по имени отчеству! Не запомнил. Не мог на нее нарадоваться. Никакой трихомонады.

А вот пятая - пятая была Классическая Медсестра. Кубическая, средних лет. Сядет напротив - и мед польется ручьем. Зато как выйдет за дверь, вразумлять разжужжавшихся клиентов - гроза! Страх и трепет, как написал Кьеркегор. В одном глазу яйцеглист, в другом - анализ мочи по Нечипоренко.

Эту пятую сестру я не то что забыл как зовут, но и вообще забыл, хотя проработал с ней дольше, чем с остальными, вместе взятыми. Приехал как-то раз в поликлинику, уже через несколько лет после того, как уволился. И мне ее называют. Я - в недоумении: кто такая? не помню! не знаю!

Тут она выходит, руками плещет, сияет. Тьфу! как я мог забыть! Зачем, собаки, напомнили?

Имя теперь снова забыл, а личность держится.

Су Джок

В последнее время меня постоянно занимают пятки. Наверное, по закону парных случаев, потому что их две.

Например, я никак не пойму, почему их чесание считается роскошью.

Мне часто приходится выслушивать женские мечты: хорошо бы мне девку-чернавку, чтоб она мне пятки чесала. Почему-то не черного мужика, а именно девку. И барыни доисторические, насколько я знаю, тоже девок предпочитали. Вот почему? Гомосексуальные полутона?

По-моему, нет. Пятка, может быть, и эрогенная зона, но она не универсальная эрогенная зона. Потому что я, например, свою пятку никому чесать не позволю по причине смеха.

И все мои знакомые тоже не позволят.

Наверное, это просто помещичья блажь, вызванная нехваткой воображения. Я говорю это как опытный чесальщик пяток, потому что невропатологи постоянно этим занимаются. Есть такая профессия: пятки чесать. И у меня, признаться, от харь, ухмылявшихся на это диагностическое чесание, рябило в глазах. Зато ни одного возбужденного стона.

Так что всем, кому хочется чесания пяток, надо обратиться к специалисту по таким желаниям.

Вы ложитесь, устраиваетесь. Доктор берет молоточек... ведет рукояткой по пятке... блаженство... - внимание, коллеги! кто понимает... - большой палец разгибается... медики знают, о чем я...

Полный Су Джок.

Бассейн

Из не вошедшего в основную хронику. Свежее.

В родную больницу доставили партию якутских детей, из алмазной республики Саха. У которой в Петербурге есть специальное представительство. С чрезвычайным и полномочным послом.

Доставили их как бы в профилакторий, для комплексной реабилитации. Это начмед придумал. Взял кассу и успокоился.

Проходит время.

Является мой товарищ, местный доктор, к лечебному физкультурнику. Берет мимоходом карточку, рассеянно изучает. В карточке - прямым текстом:

"Вася. Диагноз: слепой. Назначен бассейн".

-??????

- Начмед приказал: все должны получать бассейн.

Вторая карточка: "Костя. Диагноз: дебил. Назначен бассейн".

-??????

- Пусть лезет с мамой.

- И что?

- Это не мое дело!

Гарный Воздух

В нашей больнице - я не помню, писал ли об этом; наверное, где-то писал - была и есть замечательная физиотерапевтическая процедура: дышание горным воздухом.

Назначают уже безнадежным развалинам, кому больше ничего нельзя. Пришел, сел на лавочку и дыши. Слушай крики чаек, или кто там за них.

В местных кругах процедура называется "Гарный воздух". С украинской фонетизацией "Г".

Потому что там, с утра особенно, пахнет такими горами, что сплошные пропасти. Сядет багроволицый мужичок и усиленно дышит, соборно. С постным и чинным выражением на лице. Плюс носки.

На всю оставшуюся жизнь

Как правильно говорит один умный доктор, медицина - это армия. Со своими санитарными и безвозвратными потерями.

Вот довольно грустный пример. Кроме шуток.

Место ли красит человека, человек ли место - дело темное. Я только знаю, что человек бывает настолько прекрасен, что под него создается специальное место. В нашей больнице таким стал начальник стоматологической службы.

До него такой должности не было. И как-то справлялись. Но он оказался фигурой, которую позарез понадобилось устроить в больницу, и эту должность придумали. На всю оставшуюся жизнь.

Он умер во время празднования Дня Медработника в развратном месте, бывшем пионерском лагере "Айболит".

Он там утонул, не проработав, по-моему, и года. Хотя все говорят, что утонуть там негде. Но это спорно, потому что, например, физкультурник озадаченно твердит, будто вообще не помнит никакого "Айболита". С главврачом целовался, да, но "Айболита" не помнит.

"Айболит", конечно, сделался диким местом. От того, что физкультурник в нем отдохнул, он лучше не стал. Детская площадка с грибочками вообще уничтожена.

Разоблачение магии

Я столько понаписал про своих товарищей по работе, что резонно спросить: а как же ты сам их лечил, несчастных этих?

У меня, конечно, было много секретов. Но двумя, из числа любимых, я готов поделиться.

Для налаживания контакта с клиентами я всегда старался задействовать животный мир. Если я приходил по вызову и видел кота, то полдела было сделано. И даже все дело целиком.

Я начинал с того, что восхищался котом. Не прекращая при этом мыть руки или там доставать бумаги, молоточек, трубку. То есть как бы реагировал по-человечески на окружающую среду, но при этом не забывал о деле.

Затем я подхватывал животное и, как будто меня осеняло, вдруг говорил - серьезно и озабоченно: "Вы знаете - ведь это крайне полезное животное, кот. Он снижает давление. Да! Хотите верьте, хотите нет. Они все чувствуют, эти коты!"

Хозяйка, у которой чаще всего оказывалось именно давление, всплескивала руками: "Ах! Он такой умница! он сразу, чуть что, ко мне прыгает!"

Очень редко я слышал, что с давлением все в порядке, но беспокоит спина, живот, ноги, руки, etc.

"От этого он тоже помогает", - говорил я непререкаемым тоном.

На фоне зоологической расслабленности можно было внушать те или иные идеи.

Второй секрет: у меня была пропись секретной мази, от болей в пояснице. Я разыскал ее в одном справочнике. Ничего таинственного в ней нет, но ее практически никто не назначает. Это лютое средство сдерживания. Вот оно. Желающие могут списать и спросить в поликлинике рецепт:

Anaesthesini 4, 0
Mentholi 6, 0
Chloroformii 150, 0
Spiritus aethylici 75%
Paraffini liquidi aa 20, 0
MDS. Втирать в кожу.

Получив рецепт, больные уходили, и больше не приходили, и никогда ничем не болели, а об их впечатлениях я узнавал из вторичных и третичных уст.

Маленький Мук

Психиатры, которые ответственные дежурные по городу - гестапо.

Я с ними не раз сталкивался. Доказывал ночью, что человек сошел с ума и надо приехать и вылечить.

Один такой рассказал следующее.

Сидит он и дежурит. И, как нарочно, раздается звонок из дома престарелых. Звонит ему главная врачиха:

- У нас больная бабушка как-то странно себя ведет. Сшила себе шлем потеснее, чтобы прижать уши и нос. Чтобы они не росли.

Доктор был начитанный человек.

- А она у вас фиников не кушала? - спросил он мечтательно, припоминая сказки Гауфа.

Врачиха отклеилась от трубки и закричала в коридор:

- Эй, Люсь! Посмотри, у нее в тумбочке нет фиников?

Стержень самосознания

Встречи институтских друзей всегда трогательны, вот и вчера получилось очень трогательно.

Нашлась, конечно, гитара. И все потекло в абсолютно правильном русле. Пели песни: например, гимн наших медицинских студентов. Там были такие классические слова: "Сегодня, сегодня мы студенты; завтра - настоящие врачи!"

Как и должно быть. Потом исполнили другие хиты: "Дубинушка" (римейк), "Анурия", "Инсулин", "Если у вас нету тети", Розенбаума.

Еще говорились тосты с пожеланием вот так вот собираться снова и снова, и никогда не забывать друг друга. И звучали речи о том, какие же мы молодцы, что собираемся и будем собираться, и в этом нас никто не согнет, и все мы очень и очень близкие друг другу люди.

Отметили, что за прошедшие годы наш клеточный состав не однажды сменился полностью. А стержень самосознания сохранился и не умрет. И мы такие же, и будем вечно юными-молодыми.

Вспомнили славное.

Как, например, в анатомичке резали труп.

Разрезали, посмотрели, что там у него внутри, запомнили.

Потом один говорит:

- Давай ухо отрежем.

Отрезали, положили внутрь и зашили. Для следующей группы, таинственный сюрприз.

Инородное тело

Мне однажды рассказали сущую небылицу.

Якобы некий человек ударился головой. Падая на асфальт, он успел боковым зрением зафиксировать присутствие воробья.

И после долго жаловался на чириканье в голове. Ничто ему не помогало, и он реально-конкретно задумался: не залетел ли ему воробей куда-нибудь? В ухо, например, или в образовавшийся костный дефект Доктору этот человек ужасно надоел. И творческий доктор подговорил сынишку отловить воробья, а после, выбрав момент, явил воробья пациенту со словами: вот, я его вынул. И чириканье прошло.

Какие-то невероятные вводные.

Во-первых, само желание доктора найти нестандартный подход к чириканью. Во-вторых, существование смышленого сынишки, которому только скажи - он сразу поймает воробья. Потом: воробья надо где-то держать, тайно пронести в кабинет. Пасть ему заткнуть, чтобы молчал. И вовремя явить пациенту в процессе сфальсифицированной процедуры.

Я промолчал, но не поверил.

В конце концов, такими случаями занимаются специальные орнитологи в белых халатах. Направить к ним - и все. Никаких воробьев.

Форма одежды - нарядно-диагностическая

Дело было в кабинете, где допплерография. За что купил, за то продаю.

Это такое исследование сосудов. Датчики прикладывают и смотрят, как все пульсирует и сокращается.

То есть обстановка совершенно невинная и спокойная, ничего не может произойти.

Ан нет.

Пришла одна пациентка, сняла колготки, положила на стул, легла. Посмотрели ей ноги с сосудами, наговорили всякого. Она до того разволновалась, что забыла колготки на стульчике, так и ушла. А они лежат, прозрачные и капроновые.

Следующим номером заходит мужчина, тоже с ножными сосудами.

- Раздевайтесь, - говорит ему доктор и склоняется над бумагами.

Оборачивается - а пациент уже стоит весь готовый к обследованию. Разделся совершенно, предельно. Даже трусы застенчиво запинал под кушетку ногой. И колготки надел. Потому что увидел: лежат. И решил, что зря их не положат. Надо надеть, раз наука требует.

Идентификация Борна

Один из многих и многих постскриптумов к больничной хронике. Их объем уже превышает исходный материал.

Наш онколог, как я рассказывал, страдал шизофренией и был в связи с нею инвалидом второй группы, что не мешало ему напряженно трудиться.

Но вот он сгорел-таки на работе, уволился.

А перед этим много лечился у нас же, лежал в нервной палате. Якобы с инсультами, которые, тоже якобы, следовали один за другим, маскируя от общественности истинную болезнь. Так у нас часто делали, из сострадания к коллегам. Все у нас было инсультом - и депрессия, и алкогольная абстиненция, и просто так, хандра.

Начмед-академик всякий раз, услышав, что у онколога снова инсульт, хлопал глазами и всплескивал руками:

- Это который же у него инсульт?

Память никудышная, понятно. Весь в трудах, разве упомнишь. Да и сам не то, чтобы очень здоровый.

Начмед постарше - у нас их много, не перепутать бы - показывала ему кулак:

- Не язви!

Она думала, что он цинично издевается, с медицинским черным юмором. Подозревала в человеке лучшее. А он и не язвил вовсе.

Шаблон-Док

Истории, которыми делится мой приятель со скорой, поражают однообразием. Начинает вырисовываться некий универсальный шаблон, среднестатистическая ситуация.

Схема проста. Дано: торчок, который забывает, как дышать. Умный доктор обходится с ним радикально и доставляет в глупый приемный покой, где начинаются непонятки. И все заканчивается одинаково.

Вот опять - привез он такого, заинтубированного и в наручниках.

Эта фигура уже немножко пришла в себя. Похаживает прямо с трубкой, пытается бурчать.

- Что вообще такое? - возмутился приемный покой. - Зачем это все?

И приемный покой выдернул пациенту трубку, расстегнул наручники.

Тот, избавившись от трубки, успел самоуверенно послать всех на хуй. После чего рухнул, как срезанный колос с одним "с".

Доктор захлебывался, пытаясь убедить меня в исключительной кинематографичности падения. Но ему не хватило изобразительных средств.

Психометрия

Переводя психологию, не устаю поражаться обилию психометрических тестов. И так подступаются к человеку, и этак; то одно измеряют, то другое, и никак не найдут главного. Всех обскакал шизофреник Кеттел, который придумал собственные черты личности, подлежащие измерению: сургентность, премсия, пармия, протензия, праксерния. Мы в студенческие годы подходили к психометрии проще. Для нас анализ ограничивался одним аспектом: стремностью, она же стремота. Иногда это синонимизировалось с крутостью, но нечасто; крутость - термин позднейшей эпохи.

У меня до сих пор стоит мой приятель по прозвищу Братец, который был достаточно стремен, чтобы переделывать ампулы с омнопоном в ампулы с димедролом при помощи зажигалки. Братец, точнее, не стоит, а сидит за пианино. И проникновенно напевает автобиографическое:

"Ходят кооо-они по балкону.

Ищут кооо-ни омнопону...."

Дальше следует проигрыш, в котором все хорошо, но братец нарочно добавляет лишнюю нотку легким касанием мизинца, и песня приобретает гнусную, помоечную окраску. Поет дальше:

"К Вове не идут... больно Вова крут!"

Но самым стремным был не Братец Вова, а его приятель Вася, учившийся курсом старше. Вася был из старой гвардии. Они с Братцем уже однажды учились в мединституте, когда милиция накрыла всю их шайку. Братца не посадили, но выгнали, и он ушел в армию. Васю выгнать не успели, он сам завербовался и успел побывать в Анголе, Никарагуа и на Кубе. Потом они вернулись и познакомились со мной, причем Вася был уже в чине капитана.

Вася меня не любил, чуя во мне гнилое нутро и угрозу общему делу.

"Так стремен ты больно, вот он и тебя и сторонится!" - защищал меня Братец.

"Га, - ухмылялся довольный Вася. - Дык я ж его еще не стремал!"

Помимо прочего, он был еще каким-то образом связан с госбезопасностью.

Вообще, Вася внушал благоговение. Однажды мы сдавали проваленный зачет акушерскому идиоту доценту Волкову. Вася сидел на первой парте со сложенными перед собой руками. Мне не передать взгляда, каким он смотрел на Волкова через

затемненные очки. В этом взгляде было подобострастное обожание кавказской овчарки, готовой, сложись дело иначе, разорвать Волкова на ядовитые фрагменты.

Братец завидовал Васе и в результате достиг таких высот стремности, что Вася предупредил все братцево окружение: "С ним стало не стремно, а очень стремно". По его словам выходило, что за Братцем уже неотступно следуют мужчины в серых пальто и шляпах.

И отношения с Братцем прекратились. А с Васей, по сути, и не начинались.

Говорят, он отличился на сборах после пятого курса. Потребовал, чтобы ему выдали форму капитана-лейтенанта. Ему говорили, что это он где-то там был капитан, а здесь он никто, и из него будут делать морского медицинского капитана. Вася показывал военный билет, и в итоге его оставили вообще без формы, и он ходил в футболочке, где хотел; пил, жрал и вообще быковал.

Михеев

Свои коллаборационисты куда страшнее иноземных захватчиков.

Был у нас в институте молодого вида Михеев. Все, как в недавно помянутом гимне: "Сегодня, сегодня мы - студенты, завтра - настоящие врачи". Только в его случае "врачи" надо было для рифмы и достоверности заменить на "ассистенты". Он был ассистентом при кафедре биологии.

Кафедра находилась в так называемой "семерке", большом круглом здании, похожем на цирк. Цирк там если и был, то анатомический, вместо театра. Собралось много разных ученых: кафедра анатомии (эти не только учили нас потрошительству, но и двигали науку, потому что не хуже других, а двигать-то нечего: анатомия! если только пришить что или отрезать, а так - все известно; но они исхитрились и сочинили раздел "Космическая медицина", чтобы изучать космические анатомические изменения. И оказалось, что да - что-то там в космосе происходит такое, небольшое, но достаточное, чтобы нас поиметь); итак - анатомия, а еще - гистология, биология, физиология, оперативная хирургия, собачий питомник, большая аудитория амфитеатром и - сортир. Речь о последнем.

Сортир этот был чем-то вроде Гайд-парка. Во-первых, он был вместителен; во-вторых, располагался на пересечении судеб и дисциплин. У входа стоял какой-то ящик, и вот на этом-то ящике и сидел постоянно Михеев, курил через бороду. От учащихся он совершенно не отличался.

Влетал какой-нибудь светлый разум, бил его по плечу, подсовывался с папиросой. Михеев молча улыбался таинственной улыбкой, давал прикурить. Сидел и с упоением слушал разные гадости, в том числе и о себе, потому что о нем уже легенды ходили.

Потом раскрывал инкогнито, уже на занятиях. И лютостью своей превосходил все мыслимые нормативы.

Входил в сортир и, сыто отрыгиваясь, говорил в никуда:

- Широкого лентеца не знает, стервец!

И встряхивал головой, возмущенный незнакомством с популярной глистой.

Он был прирожденным инквизитором, у него все сознавались. Не могу удержаться и процитирую восхитительного Дэвида Мэдсена, "Мемуары придворного карлика", как раз про инквизицию. Анонимному студенту посвящается: "Вопя как рожающая гиена, он признался во всем, в чем хотели, чтобы он

признался, и даже больше. Он даже признался в том, что имел половое сношение с коровой, что всех очень удивило, так как его об этом не спрашивали".

Театр и вешалка

Полистал справочник для поступающих в вузы. Его одного достаточно, чтобы не сожалеть о молодом студенческом времени. Разве лишь о себе сожалеть, тогдашнем, а время текло не самое приятное.

Я почти не готовился к вступительным экзаменам, потому что был занят разными романтическими делами. Они меня настолько захватили и зарядили, что я как бы походя, не особенно вникая, сдал все на пять. И думал, что мне за это полагается аксеновский тройной компот.

Однако меня, не предлагая никакого компота, заставили выстоять очередь в ректорат. В мрачный коридор набилась толпа, посетители ректората сменялись с пулеметной скоростью. Я совершенно не помню, каких-таких благ я дожидался в чистилище. По-моему, там ничего не выдавали. Я зашел, меня назвали и сказали, какой я молодец, что все так изумительно сдал, и нечто приземистое, похожее на амфибию, удовлетворенно квакнуло: "Ого!" Наверное, пожало руку и выпроводило. Скорее всего, это и был ректор.

На другой день, если не путаю хронологию, состоялось собрание курса. "Вот оно, - решил я, - началось!"

Сутулый человечек с прилизанными волосами вышел и начал рассказывать о правилах поведения и выживания в колхозе.

Это был наш декан. Чудесный, как потом оказалось, человек. Но тогда он мне не показался чудесным.

- Стране нужна морковь! - сказал он с некоторым надрывом.

Потом мы все потянулись во двор. Шел дождик; мы сгрудились и стали смотреть на торжественного Гиппократа, который вышел к нам, завернутый в белую тряпку и что-то держа в руках - не то свиток, не то погасший факел. А может быть, змею и рюмку. Он был далеко, и я плохо его разглядел, и слов его не понял, потому что он изрыгал какие-то крылатые латинские слова.

Напутствовал нас в колхоз, как это было принято у римских легионеров. Которые черт его знает, какое имели отношение к греческому доктору.

Я собрал чемодан и покатил, как сидор поликарпович, в первую ходку.

Страна хочет моркови. Она всегда хотела моркови, желательно отварной, и продолжает хотеть. Ее всевидящему оку не хватает каротина. Еще больше она хочет не моркови, а морквы.

Ректорат

Вот еще немного про будущих докторов, как их готовили.

Вообще говоря, нас постоянно привлекали к каким-то удивительным делам. Не то, чтобы эти дела были так уж загадочны, но мы не совсем понимали, при чем тут наша зачушкаренная братия.

Апофеозом явилось ночное дежурство в Ректорате. Не ректору же там сидеть ночью, на случай чего. Брали сотрудника и брали учащегося, всех по очереди, по графику. Приглашали вечером к ректору в кабинет и велели сидеть там в ожидании событий - воздушной тревоги или мало ли чего. Вдруг какой-нибудь полуночный слесарь возьмет и родит летучую мышь, или оживут в своих банках несостоявшиеся младенцы - будущие генералы и губернаторы, или лопнет труба с третичным сифилисом, или поправятся и убегут все пациенты.

Настала и моя очередь.

У меня был один вопрос: где лежать и спать? Там был всего один диван. А в пару мне дали учительницу гистологии, достаточно юную - это теперь я так думаю, оглядываясь назад. Тогда же мне казалось, что между нами пролегла непреодолимая дистанция. Она, по-моему, считала иначе и вела себя несколько нервно и суетливо.

Мы сидели и ждали, когда грянет какая-нибудь захудалая беда. Но кроме звонка невменяемого водопроводчика, который отвинтил в подвале кран, ничего не случилось.

Так что учительница меня отпустила, и вопрос с диваном решился. Может быть, она поджидала более опытного дежурного.

Теперь-то я понимаю, что это было искушение властью. Я сидел в Ректорате и правил судьбами. Сатана брал меня за плечо, разворачивал взором к территории института и обводил окрестности махом когтистого крыла. Он предлагал мне все богатства мира - столовую, морг, военную кафедру и крохотную звездочку в небе. Все это будет твое, обещал сатана. Только учись хорошо и поступи в аспирантуру.

Я сказал: "Отойди от меня, сатана".

Цветы на асфальте

Некоторые истории, вроде, и рассказать хочется, а с другой стороны - как-то неловко.

Постараюсь быть предельно корректным и обойтись без смешочков. И без фамилий, конечно.

Любовь - она расцветает, когда не ждешь и где не ожидаешь. Наше отделение никак не располагало к любви. Мерзость всякая приключалась, не скрою: в узельной-бельевой. Или на моем, дохтурском белье, что хранилось в шкафу на случай дежурства, которое не каждый же день Достанешь его, а оно не совсем в порядке. И не найти ни концов, ни вместилищ.

Но вот чтобы возникло подлинное, чистое чувство - это было невероятное дело. Такое и у здоровых редкость. А у нас отделение было наполовину лежачее, много шейников. Шейники - это больные с переломанной шеей, у них ниже нее ничего не работает. Ну, кое-как руки двигаются, и все.

И вот разгорелся роман между одной шейницей и ходячим, который лежал с какой-то ерундой.

Перед дамой снимаю колпак. Это была очень цепкая особа. Симпатичная и совершенно бесперспективная: ноги и руки искривились в контрактурах, пальцами ничего не взять, все это напряжено, сведено неустранимой судорогой: спастика. В пузыре стоит постоянный катетер, потому что никакие самостоятельные отправления невозможны. И выливается через катетер такое, что с почками дело труба, это видно невооруженному глазом ребенку. В инвалидное кресло пересаживают втроем-вчетвером. Две дочки приходят, навещают, уже довольно большие. Какой-то муж маячит на горизонте, но не слишком. И вот в такой ситуации - и помада, и тушь, и двадцать косичек, и даже, по-моему, маникюр на сведенные пальцы.

Достойно восхищения, говорю совершенно искренне.

Она была не слишком приятна в общении, потому что сломанная шея со всеми последствиями не могли не сказаться. Но кто же осудит? Поджатые губы, недовольное лицо. Постоянная борьба за права, льготы и процедуры. Не дай бог схлестнуться. Да никто и не схлестывался.

И эта женщина развелась-таки с мужем ради соседа по нездоровью. Соседство, конечно, было весьма отдаленным. Кавалер ходил прямо и ровно, хотя и с некоторой преувеличенной вымученностью, очень задумчивый, мрачный, в бороде. Мы не успели оглянуться, как он уже возил ее кресло, ходил с ней повсюду - на физиотерапию, в клизменную, куда-то

еще. Расчесывал ей волосы, красил лицо.

И хорошо ли так говорить, плохо ли - не знаю, но в общении он был еще неприятнее. Ни в каких других делах, способных расположить к себе общество, он не был замечен. Стоял, молчал, смотрел на тебя тяжелым и депрессивным взглядом, и ты ощущал себя неизвестно в чем виноватым.

Они расписались и стали приезжать вместе каждый год.

И он так же, как она, исправно посещал все процедуры и требовал себе новых, хотя мелкая операция, которую он перенес на пояснице, давно отзвучала и не могла причинить беспокойство.

Иногда их застигали за прелюдией к акту, детали которого я не хочу вообразить. Вся палата пустела, они оставались вдвоем. Он сидел на полу или на скамеечке, она возвышалась над ним в кресле.

Вот такая история. Достойная удивления в наших стенах. Все, кто это видел - и дохтура, и больные, потому как все же давно друг друга знают, не по первому разу лежат, одна семья - качали головами и поражались.

Понятно, не обошлось без свинства. У нас были сестры, которые знали цену каждому явлению.

Заходит одна в ординаторскую, ищет того мужчину, он куда-то пошел и ей не доложился:

- Где этот ебанат?...

Головоломка

Кто-то сошел с ума, и психиатрическая бригада понеслась.

Командовал ею южный доктор не самого глубокого ума.

Машина Скорой Помощи летела, пересекая Ржевку с Пороховыми, когда ее подрезали жигули.

Потом какое-то время обе машины ехали вровень друг с дружкой. Доктор высунулся в окно и разразился тирадой:

- Биляд!... Биляд такой, нах! ты что делаешь? совсем уже!...

Водитель жигулей не ответил и покрутил пальцем у виска.

Тогда доктор, поизучав его несколько секунд, повернулся к своему шоферу и озабоченно спросил:

- Откуда он знает, что мы психиатры?

Декламация вне зависимости

Мой приятель, который работает доктором на Скорой Помощи, давно мечтает прочесть мне один стих из "Звезды Востока" за 1989 год. Этот журнал почему-то лежит у него на работе.

Стих, по его словам, совершенно невероятный, про медицину, с каким-то южным гинекологическим уклоном. Коллективный Джамбул взял себе фамилию Альцгеймер и всех порадовал.

И вот вчера, наконец, свершилось. Приятель дозвонился и прочитал-таки этот мерзкий стих.

Правда, возникло одно осложнение: меня не было дома. И он прочитал его моей дочке. Та ничего не поняла и даже не записала ни строчки, как он требовал.

Мой приятель, когда испытывает подъем, не всегда дифференцирует ситуации. Однажды в гостях он баюкал одну малютку, и ее близким лишь через десять минут пришло в голову прислушаться к тому, что он пел. А в другой раз, в том же доме, надрачивал пса, уверенный, что чешет ему живот, пока пес не взорвался.

Может быть, если рассматривать эти два случая издалека, он вообще думал сделать все наоборот.

Сделай сам

Однажды мы с урологом, когда нам удалось - ненадолго - отвоевать себе отдельный кабинет, задумали смонтировать гинекологическое кресло.

Кабинет подавался как глубоко урологический. Для этого там был телевизор, ловивший только Муз-тиви, и лилия в горшке, которую мы убили. Оставили на ночь фрамугу - та и замерзла, вечнозеленая.

А начмед хотел превратить кабинет в платную палату. Ему терпеливо доказывали, что урологическая смотровая нужна позарез. Навели там порядочек, постелили на стол клеенку с рисунком: груши и яблоки. Свалили в угол элементы гинекологического кресла, которые давно ржавели не то в отделении трудотерапии, не то у стоматологов, без дела. Чтобы накидать понтов, решили собрать это кресло.

И ничего у нас не вышло. Очень сложная вещь. Куда там что присобачивать - Самоделкин не догадается.

И даже в женщинах не всегда бывает генетическое чутье, позволяющее сориентироваться и правильно оценить стереометрическую ситуацию.

Был такой случай однажды. Застенчивая, купеческого вида особа, моя знакомая, пришла к гинекологу. Впервые в жизни. Ей, разумеется, говорят: раздевайтесь и садитесь.

Она совершенно разделась догола и села. А там у кресла такие железные штуковины на шестах, на которые надо класть задранные ноги. Это я мужчинам объясняю, да и женщинам, как выясняется, не вредно послушать.

Так вот она села и руки на эти штуковины положила, будто в кресле, на подлокотники. А ноги, которыми сошла с полотна Рубенса, свесила. Разные школы! Кресло-то не иначе, как Леонардо придумал.

Она еще ухитрилась стыдливо прикрыть одну из грудей.

А чего, спрашивается, стыдиться? Нечего. Дело житейское. Тем более, что с гонореей пришла.

Lupus vulgaris

Мама моя, сорок лет проработавшая в гинекологии с акушерством, знает много, но жмется, не рассказывает. Иногда кое-что просачивается.

Подходит к ней больная, то есть здоровая, но на 25-й неделе сроку беременности, и говорит, что из нее выливается молоко.

А это бывает. Я, например, слыхал про одну, которая сцеживала это биологическое излишество в литровые банки и варила мужу кашу. Муж, если бы любил, тоже мог бы заправить ей какой-нибудь салат. Где млеко, там и яйки. Ну да ладно, не про него.

Маменька говорит клиентке:

- Ну, ничего страшного. Это бывает.

- Точно бывает?

- Бывает. Даже на пятой неделе, не то что на шести месяцах.

- А разве так сильно бывает? хлещет! прямо на ноги!..

- Ну уж и на ноги, - сдержанно говорит моя маменька. - Не переживайте. Помните про козу с козлятушками, как там? "Течет молочко по вымечку, с вымечка по копытцам..." Потом волк стучится...

Клиентка, задыхаясь от солидарности:

- Волк тоже беременный?...

.....

Отчим слушает и веселится:

- Нет! Потому что волк практикует прерванный половой акт!

Глядя в телевизор

Со всей ответственностью заявляю, что в нашей больнице никто не украл ни одного органа. И не было в ней ни черных трансплантологов, ни вообще никаких.

Если бы кто-то задумал нажиться хотя бы на ногте, застрявшем в околевшей и охолодевшей ноздре, то налетела бы вся орава, вся властная вертикаль. Пораженные жабой, подтянулись бы лифтеры и санитарки. Всем кушать хочется - делись!

И все бы засыпались. Знают двое, а свинья - прежде всех.

Ведь там пирожок нельзя скушать и не привлечь своим опасливым чавканьем завистливого внимания.

Хотя какие-то поползновения в сторону протезирования - а там, лиха беда начало, и трансплантации - делались. Привезли, помню, целую кучу каких-то половых насадок, вроде намордников. Такие пластмассовые, с ремнями, для симуляции эрекции. Но так и не договорились, как прибыль делить неимоверную - я думаю, дело в этом.

Потому что их свалили логопедам в кабинет, в угол. Они еще под ногами хрустели.

Иллюзия неприкосновенности

В зарубежной медицине прикосновение к пациенту-клиенту - всамделишная проблема, чреватая бедами. Потенциально похотливая, а то и просто немытая эскуЛапа дотрагивается до царственного тела, нарушая его священную прайваси. Я помню, как мой дедушка, сотрудник органов государственной безопасности, рассказывал про пограничную неприятность, случившуюся не то в сороковых, не то в пятидесятых годах. Приехала какая-то епона-мама, доподлинная японка голубых кровей, немало в себе имевшая от микадо. К таким гостям у нас всегда настороженное отношение; таким гостям мы не рады, но раз уж пропустили, раз уж дозволили шагнуть на советский материк, то раскатаемся в хлебосольный блин. И вот погранофицер принимает у нее пачпорт. И эта фифа вдруг морщится и закатывает скандал: почему не в перчатках! почему он посмел принять мой девственный документ своей потной, мужицкой лапой!

И швырнула этот паспорт. Ну, банзай. Офицера потом скрутили, разоружили, разжаловали, расстреляли и реабилитировали.

Вот у них какие замашки, в цивилизованном мире.

Я с удовольствием противопоставляю этим пресыщенным капризам наше отечественное, благосклонное отношение к прикосновениям. Они не только не возбраняются, они желательны, их приветствуют. И не только в больницах и массажных кабинетах, но даже в милиции.

Студентами нас часто принуждали к дружине, а иногда брали понятыми в вытрезвитель. Однажды туда доставили человека, в спортивном почему-то костюме, зато при бороде и с ног до головы в дерьме. Человек декламировал "Луку Мудищева"; сотрудники, не решаясь к нему приблизиться, взяли швабру и стали мыть ему бороду щеткой, держа эту швабру на вытянутых руках. И декламатор не только не оскорбился, но сам тянулся к щетке и блаженно мычал, не находя в тексте достойных слов.

Про больницу и говорить нечего. Прикосновения желанны, за ними выстраиваются очереди. Наша заведующая, которая одряхлела незадолго до моего, с пером наготове, прихода, раньше была ничего себе, личность довольно жуткая. Требовала от медсестер прикосновений, которые не прописаны ни в каком кзоте. Тем вменялось не только перетаскивать на своих девичьих плечах стокилограммовые туши, пусть и наказанные богом, но и протирать им яйца ватным тампончиком, на корнцанге. Срывая

себе спины и теряя обоняние. Пациенты воспринимали эти прикосновения с полным пониманием. Касания не вызывали никаких возражений и уж конечно не сопровождались правовой неразберихой. И когда по причине дряхлости бабули-заведующей касания прекратились, здоровье клиентуры не ухудшилось, так что не сочтите меня бессердечным зверем, который равнодушен к инвалидной мошонке, покрывающейся скорлупой.

Наши люди - обеими руками за терапию касанием. В десятой, травматологической больнице медсестрица жаловалась своему медбрату-иванушке на бабоньку: "Говорит мне - протри-ка мои пятки одеколончиком!" Козлик Иванушка зловеще ухмылялся: " А огурчика ей в рот не покрошить?"

Так что проблема существует и у нас, но другого порядка. Спрос на услугу есть, а вот с предложением не всегда получается.

Расторможенные крики и хохот в ответ на массаж, вся эта западная изнеженная экспрессия - не для нас. Что нам кожемяка, когда мы привыкли к прикосновениям вечности.

январь - май 2004